

Куранова Ольга Нулевой Архетип

Глава 1

Медные птицы у входа на верхний ярус «Трели» были начищены до блеска, свет фонарей ложился на гравированные перья и причудливые декоративные шестеренки пятнами и притягивал к себе взгляд. Они выглядели по-королевски, эти птицы, и на их фоне трещины в блестящем искусственном камне ступеней казались почти незаметными.

Анна Кейн поднималась по лестнице, приподняв подол парадного платья мастрессы, и следила за тем, чтобы не угодить в трещину каблуком. Птицы смотрели на нее сверху вниз строго и торжественно, пахло осенью, скорыми холодами и едва различимо — дымом, должно быть, с яруса ниже, где располагались кухни. Если напрячь слух можно было расслышать стрекот винтов: слева, как очертание айсберга под водой, выступал нос одного из опорных дирижаблей, под которым медленно плыли облака.

Лестница крепилась к платформе с краю — обманчиво воздушное соединение витой ковки и псевдо-мрамора — создавая впечатление ступеней

в небе. Многих такая конструкция напрягала, но Кейн она нравилась. Она дарила иллюзию абсолютного уединения, один на один с небом.

Невидимая спирит-сфера защищала лестницу и верхний ярус от ветра, и было довольно тепло. Каблуки соприкасались с полированной поверхностью ступеней с тихим клацающим звуком, который казался неестественно громким даже несмотря на льющиеся сверху музыку, звон бокалов и смех.

Когда Кейн подошла ближе, шестеренки на груди медных птиц медленно провернулись с тихими ритмичными щелчками, заставив крылья дрогнуть и медленно взмахнуть — раз, другой.

— Госпожа Анна, — свет обрисовал высокую подтянутую фигуру, появившуюся у лестницы, превратил ее в черный силуэт.

Поравнявшись с ним, Кейн кивнула, против воли чувствуя, что улыбается:

— Ричард, — он был почти таким же, каким она запомнила его в прошлый раз. Безупречным, с идеально ровной спиной и не менее идеальными манерами, этаким воплощением потомственного дворецкого. Разве что очень старым. — Отлично выглядите.

— Это полагалось говорить мне, — сдержанно отозвался он, пряча ответную улыбку. Когда Ричард улыбался так, Кейн часто ловила себя на

мысли, что скучала — по нему, по «Трели» и по небу, каким оно бывало только на воздушных платформах.

— Будем считать, что вы это сделали. И признайтесь, — она позволила себе улыбнуться чуть шире, — вы удивлены, что мое платье закрывает пупок.

— Ваш вкус в одежде изменился в лучшую сторону.

Кейн рассмеялась:

— Кажется, я просто стала намного скучнее.

— В ваших кругах, госпожа Анна, это называется «элегантнее».

— Да, кажется, это называется так.

Он посторонился, собираясь пропустить ее вперед, но Кейн осталась на месте.

— Все давно ждут вас, — намекнул Ричард после нескольких секунд молчания.

Она разглядывала ярус за его спиной — живые цветы, которыми была украшена платформа, официантов с напитками, гостей, музыкантов и тщательно замаскированные следы упадка — трещины на полу и множество других мелочей. Эти мелочи волновали ее намного больше, чем гости и их ожидания.

— Им придется подождать еще немного, — сказала Кейн, и впервые за время встречи посмотрела Ричарду в глаза. Они были светлыми,

выцветшими. — Есть несколько вещей, о которых я хочу спросить вас.

Он умел играть в эти игры намного лучше нее, и все же она заметила, как на секунду напряглись его плечи, застыло лицо, прежде чем Ричард заставил себя снова стать тем безупречным дворецким, каким она привыкла его видеть.

— Я слушаю.

— На какой мы высоте? — На самом деле, она знала ответ и так, чувствовала его в воздухе, слышала в стрекоте винтов и видела в трещинах на ступенях. «Трель» опустилась слишком низко, немногим выше Грандвейв, опасно низко.

Кейн не должно было это удивлять. В конце концов, никакие вещи не служат вечно.

Ричард помолчал, подбирая слова, прежде чем ответить:

— Вам лучше поговорить об этом с госпожой Линнел. Многое изменилось, пока вас не было.

Он говорил спокойно, без упрека, и все же Кейн не могла избавиться от острого чувства сожаления:

— Ричард, ей следовало позвать меня намного раньше.

* * *

— Мастресса Пятого Архетипа Анна Кейн, — объявил Ричард, и она застыла у входа на ярус,

рассматривая гостей «Трели». На площадке было оживленно, музыканты играли легкий ненавязчивый вальс, под который кружились в центре танцующие пары; мужчины и женщины образовывали группы вокруг столов, переговаривались о чем-то, смеялись. Джеймс Стерлинг выделялся из толпы примерно так, как мог бы выделяться накрытый стол на посадочной полосе. Стерлинг стоял поодаль, наблюдал за гостями с ленивой улыбкой хозяина, и делал то, что, как знала Кейн, ему удавалось лучше всего — был муذاком.

Разумеется, он заметил ее, как только она вошла, кивнул с едва заметной снисходительностью, и Кейн вежливо улыбнулась ему в ответ. Их со Стерлингом разговоры раз за разом деградировали в вежливое хамство, но до неизбежного столкновения она предпочитала играть чисто.

Линнел нигде не было, и это казалось странным — хозяйка «Трели» не могла позволить себе отсутствовать на вечере, который устроила сама, особенно теперь, после смерти мужа. Гибель Дэна слишком многое изменила, как на платформе, так и для его семьи.

— Анна, — Стерлинг подошел к Кейн первым — подтянутый, лощеный, в безупречно сидящем темно-синем фраке — этакое воплощение

обаятельного подонка, и тем самым невольно выдавал, что подошел не просто так, — крайне рад видеть. Вас давно не было в свете.

— Джеймс, — она вежливо улыбнулась и коротко поклонилась ему на университетский манер, как и полагалось мастрессе архетипа. Впрочем, по меркам аристократии университетский поклон все еще считался крайне неформальным, — уверена, вы выплакали все глаза, пока меня не было. Такая потеря для общества.

Он беззлобно рассмеялся:

— Вам не идет язвительность, Анна. Разве я не могу сказать красивой женщине, что рад ее видеть, не подвергаясь нападкам?

— Разумеется, можете. Рано или поздно я устыжусь и оценю.

— Вы все такая же колючая, — он подал ей руку, и Кейн приняла ее, чувствуя на себе взгляды гостей. — Сколько мы не виделись? Года три, кажется. В свете многое поменялось, столько новых лиц. Позвольте, я вас познакомлю.

Его слова можно было бы принять за банальную вежливость, если бы не то, как пристально за ними следили окружающие. И если бы не простой факт — Стерлинг не был хозяином этого вечера и «Трели». Знакомить Кейн с окружающими полагалось не ему.

— Я предпочту, чтобы это сделала Линнел. К слову, не знаете, где она?

— Насколько я могу судить, госпоже Райт нездоровилось. Ей пришлось уйти, — он ответил совершенно нейтральным тоном.

— Сразу после разговора с вами? — так же нейтрально поинтересовалась она.

Стерлинг улыбнулся:

— Вы действительно давно не были в свете, Анна, теряете сноровку и говорите слишком откровенно.

Он был отчасти прав, Кейн несколько лет не выбиралась в высшее общество.

— Джеймс, я действительно давно не была в свете. Я настолько потеряла сноровку, что могу даже прямо в лицо назвать мудака мудаком. Представляете?

Это уже было на грани с грубостью, но ей хотелось увидеть его реакцию.

— Вы невысокого обо мне мнения, — сухо заметил он.

— Я могла бы пристрелить вас прямо здесь и сейчас, если бы это не каралось законом. Не смотрите так удивленно, вы знали об этом с самого начала.

— Я не ожидал услышать от вас откровенное хамство, не так скоро. Вы шокируете, Анна.

— А вы терпите это, потому что хотите знать, зачем я здесь, — спокойно ответила она. — Вы ошиблись на мой счет. Вы ожидали, что я стану

играть по вашим правилам, изображать вежливость и принадлежность к высшему обществу. Мне это не нужно. Я могу играть совсем иначе. Все знают, зачем вы прилетели на «Трель», вы хотели выкупить платформу еще у Даниеля, пока он был жив, и пытались сделать это после его смерти. Вы травили Линнел кредиторами, в надежде, что она уступит. Теперь, когда платформа начала снижаться к границе Древних Городов, ее стоимость резко падает, вам это на руку. Мое появление может все усложнить. И не сомневайтесь, оно усложнит.

Ответный смех Стерлинга прозвучал абсолютно непринужденно, и Кейн могла бы в него поверить, но она и сама умела непринужденно смеяться независимо от обстоятельств. В конце концов, в детстве им обоим это преподавали.

— Анна, вы явно видите во мне кого-то другого. То, что я хочу купить «Трель», никак не связано ни с вами, ни даже с Линнел Райт. Я просто заинтересован в покупке. Это еще не повод меня ненавидеть. Я подошел к вам только потому, что мы давно не виделись.

Она легко могла бы с этим поспорить, но предпочла ответить ему в тон:

— Возможно, вы правы, и я совершенно напрасно на вас накинулась. Впрочем, у меня ведь есть и другая причина вас ненавидеть.

— Заинтригован. И какая же?

— Мы разговариваем уже несколько минут, а вы все еще не пригласили меня на вальс.

Ее слова заставили его искренне рассмеяться:

— Тогда мне стоит срочно это исправить. Анна, вы ведь не откажете мне?

На танцполе былолюдно, кружились пары, свет от фонарей ложился на полированные плиты, подсвечивал размытые отражения гостей.

Стерлинг дождался, когда одна мелодия сменит другую, и подал Кейн руку.

Скорее всего, вежливости в этом приглашении было не меньше, чем желания узнать, зачем Кейн прилетела на «Трель». Как мастресса архетипа, к тому же преподаватель в Университете, она обладала пусть не властью, но влиянием. Едва ли Стерлинг видел в ней реальную угрозу, но проблему — вполне.

— Вы отлично танцуете, — похвалил он, легко ведя ее в вальсе. Они обогнули пожилую пару — представительного мужчину с моноклем и степенную даму в пышном платье — и Кейн намеренно сделала шаг вперед вместо того, чтобы подстроиться под танец и отступить. Стерлинг успел убрать ногу в последний момент.

— У вас отличная реакция, — в тон ему отозвалась она с улыбкой.

— Анна, что это за ребячество?

— Мне всего лишь был нужен повод сказать

вам комплимент, — отозвалась она и добавила. — И посмотреть, кто на это отреагирует. Я предпочитаю знать, кого в этом зале вы уже купили, а кого еще не успели.

Слишком многие, по мнению Кейн, обращали на них внимание.

Он наклонился к ней ближе:

— Могли бы просто спросить. Незачем подвергать мои ноги опасности.

— Стерлинг, — она не стала отодвигаться. — Не нарушайте приличий.

— В начале вечера вы называли меня Джеймсом.

— И уже во время первого танца вы начали позволять себе лишнее. Отодвиньтесь.

Он рассмеялся, чуть отступая назад:

— Вы очень занятная женщина, вам говорили? И совершенно зря видите во мне врага. Посмотрите внимательнее, согласитесь, я совсем не похож на злодея.

Он безусловно отлично умел подать себя, но это Кейн знала и раньше. Вся ее жизнь до того, как она попала в Университет и занялась изучением спирита, состояла из таких, как Стерлинг — обаятельных мудаков с безупречным воспитанием.

— Вы действительно совершенно не похожи на злодея, — согласилась она. — У вас прекрасные манеры, и вы никогда не ударите женщину.

Публично.

— Уверен, — легко отозвался он, продолжая вести ее в танце и глядя прямо в глаза, — сейчас я услышу «но».

Кейн кивнула, легко подстраиваясь под его ритм:

— Разумеется. Мы с вами из одного круга. Меня не впечатляют ни ваши манеры, ни умение себя подать. Если убрать их, люди делятся на два типа: на тех, кто потянется к протянутой руке, и тех, кто наступит на нее сапогом, — она вспомнила о том, что по его вине пережила Линнел после смерти Дэна, и добавила. — В случае с «Трелью» вы наступили не на ту руку.

— И вы берете на себя право судить меня? — с любопытством поинтересовался он. — Может быть, вы сами и не наступите на того, кто нуждается в помощи. Но вы вполне способны просто пройти мимо.

— Я могла бы, — не стала спорить Кейн, скользнув ладонью по его руке вверх, к плечу. — И это главная причина, почему сейчас вы тратите на меня время. Потому что я немногим лучше вас. Будь иначе, вы не боялись бы меня.

— Я не боюсь вас, Анна, — спокойно ответил он, перестав на мгновение играть в улыбчивого кавалера. — Я только не вижу причин с вами враждовать. Я хочу получить «Трель», и я получу

ее, не важно, насколько вы лучше или хуже меня. У вас просто нет ресурсов что-то изменить. Вы для меня — помеха, я для вас — мельница, которая перемелет любого, кто достаточно глуп, чтобы лезть под жернов. Вы не импульсивная дурочка, должны это понимать.

Это ее почти позабавило: в конце концов, именно этого Кейн ожидала от Стерлинга с самого начала — попытки убедить ее, что он уже победил.

— Вы пытаетесь скормить это дерьмо любому, кто ставит под угрозу ваши интересы? — музыка смолкла, и в наступившей тишине, Кейн сделала шаг назад. Стерлинг отпустил ее с вежливым поклоном:

— Вы думаете, я запугиваю вас?

— Я думаю, вам стоит лучше смотреть, что попадает под жернов. Мельница нужна для помола муки. Она перемалывает далеко не все материалы, — Кейн присела в традиционном реверансе. — Спасибо за вальс.

Пока она шла к столу с напитками, Стерлинг смотрел ей вслед. Кейн это устраивало.

* * *

Сам того не желая, Стерлинг оказал ей услугу, когда подошел первым и заговорил с ней. Статус свободной мастрессы архетипа, преподавательницы

из Университета, означал определенный вес и положение в обществе. Если где-то возникала проблема со спиритом или спирит-аномалия, правительство обращалось к таким, как она за консультацией или помощью, а это означало множество полезных знакомств. Но в остальном люди сторонились тех, кто использовал спирит без предмета-медиатора, напрямую через архетип. Возможно, это казалось людям загадочным и непонятным, но речь в конечном итоге шла о науке.

Первое, чему Кейн учила студентов в Университете — умение управлять спиритом не было даром. Просто навыком, доступным каждому, кто готов был потратить годы на ежедневные многочасовые упражнения. Методика обучения не давала сбоев, если выполнялась правильно. Любой мог найти архетип и черпать через него спирит, придавать ему желаемую форму. Большинство людей просто не видело смысла расходовать силы на то, что можно без особых проблем купить в любой лавке спирит-механиков. Зачем тратить годы на то, чтобы научиться мыслью поджигать свечу, если спички продаются на каждом углу?

И все же, таких как Кейн сторонились.

Стерлинг, когда заговорил с ней, сильно упростил ее жизнь. Последовав его примеру, с Кейн стали здороваться другие: лысоватый сэр Ростир, потомственный банкир; госпожа Льенна, мать

одной из школьных подруг Кейн; Розалинда — рыжая девчонка, с которой они когда-то давно, в полузабытом детстве, устраивали пикники в закрытых садах «Трели», и многие другие гости. Все эти люди были ей чужими, но умение разговаривать с ними, вести беседу по их правилам, в привычной для них манере, возвращалось легко. Кейн смеялась, расспрашивала про родственников, отвечала на вопросы и ловила себя на том, как просто оказалось перестроиться обратно с Кейн-мастрессы на Анну-дочь-семьи-Кейн.

Линнел не появлялась, и с каждой минутой подобное настораживало все больше и больше.

Минуты утекали, как песок сквозь пальцы, вечеринка крутилась вхолостую.

Кейн выпила бокал шампанского и станцевала еще два танца, один из них с сэром Ростиром. Он рассказывал ей о том, как давно мечтал спуститься к границе Грандвейв — Сонма, как его называли в Университете — и поохотиться на осколки спирит-схем. Кейн слушала вполуха и вежливо улыбалась. После открытия спирита и первой спирит-катастрофы, которая сделала Древние Города непригодными для жизни, прослойка первых спирит-схем все еще висела над землей. Это были непредсказуемые энергетические фрагменты, неуправляемые и опасные. Если Ростир собирался на них охотиться, он явно плохо понимал, с чем

имел дело.

Кейн на самом деле было все равно, чем именно он развлекался в свободное время. Кейн ждала появления Линнел, и именно это ожидание делало светскую болтовню невыносимой.

Несколько раз казалось, что крылья механических птиц у лестницы вот-вот дрогнут, объявляя о приходе новых гостей, но после Кейн никто так и не появился.

Ричард рядом с птицами выглядел застывшим изваянием — безупречный слуга богатого дома. Несколько раз Кейн собиралась подойти к нему и узнать, что происходит, но это означало бы показать свое беспокойство окружающим. Она знала, что как минимум часть гостей была вовсе не на стороне Линнел.

На площадке не было часов, и от этого время казалось цикличным, будто его крутили по кругу. Светские рауты часто производили на Кейн такое впечатление.

Когда птицы у лестницы все-таки пошевелились, они раскрыли крылья, чтобы поприветствовать не Линнел.

— Алан Атрес, — объявил Ричард, выступив вперед.

За его спиной появился высокий черноволосый мужчина в строгом костюме воздушного капитана — черном кителе и брюках.

Кейн без труда узнала в костюме парадную униформу флота охранной компании «Скайлинг».

Алан Атрес — единственный сын основателя компании Дэвида Атреса и его наследник — обвел площадку взглядом, словно искал кого-то. Скорее всего, он искал Линнел, и это не было похоже на обычное желание гостя поприветствовать хозяйку.

Кейн ни разу не встречалась с Атресом лично. В свете его считали резким и довольно нелюдимым человеком, который большую часть жизни проводил на своем корабле, сопровождая торговые суда. Компания «Скайлинг» занималась воздушной охраной и разведкой закрытых зон — мест, где осколки схем могли представлять реальную угрозу жизни и здоровью людей.

Выправка Атреса заставляла заподозрить в нем бывшего военного, хотя скорее всего, он не имел никакого отношения к армии. Впрочем, возможно, это было влияние его отца. Основатель «Скайлинг» служил больше десяти лет до того, как уволился по состоянию здоровья и создал собственную компанию.

Атрес остался у лестницы, не обращая внимания на взгляды окружающих, а на него смотрели многие.

Впрочем, все дело могло быть просто в выборе костюма. Военного кроя униформа «Скайлинг» заставляла его выделяться на фоне

окружающих и невольно притягивала взгляд.

— Похоже, старина Алан перепутал сегодняшний вечер с маскарадом, — с улыбкой заметил Стерлинг, приблизившись к Кейн так близко, как только позволяли приличия.

— Платье мастрессы вы тоже считаете маскарадным костюмом? — как бы между прочим поинтересовалась она, не отводя от Атреса взгляда.

— Скажем так, я считаю, что ваш маскарадный костюм очень вам идет, Анна. Вы не подарите мне еще один танец?

— Непременно, — в тон ему отозвалась она, — но, боюсь, не сегодня. Я отвыкла столько танцевать, у меня болят ноги. Прошу меня извинить.

Стерлинг схватил ее за руку, как только она сделала один-единственный шаг в сторону лестницы, и это выдавало его с головой. Может быть, он не опасался самой Кейн, но он по какой-то причине опасался, что она встретится с Атресом.

— Тогда я буду рад поговорить с вами еще немного, — легкий тон и добродушная улыбка совершенно не вязались с жесткой хваткой его пальцев.

— Уберите руку, — мягко сказала она. — Немедленно.

— Не глумите, Анна, я всего лишь хочу продолжить разговор. Не стоит привлекать к этому

излишнее внимание. Это не в ваших интересах.

Отчасти он был прав. Кейн могла устроить скандал и освободиться, но это показало бы ее саму в невыгодном свете. Репутация среди людей их круга могла повлиять на слишком многое, открыть одни двери и закрыть другие.

— Хорошо. Можете начать с того, почему вы так боитесь Атреса.

Стерлинг улыбнулся:

— Линнел Райт пытается сохранить «Трель» и готова ради этого на все. Она, вероятно, думает, что Атрес способен ей помочь. Я просто не хочу, чтобы вы обманывались вместе с ней.

— Какая трогательная забота, Джеймс. Вы так и собираетесь держать мою руку? Это само по себе начинает привлекать внимание.

— Кто станет меня обвинять? — он перехватил ее ладонь, поднес к губам. — У вас удивительно красивые пальцы, любой мужчина пожелал бы сейчас быть на моем месте.

— Не делайте так, у меня слабый желудок.

Атрес все еще оставался у выхода на площадку, рядом с механическими птицами. Он о чем-то говорил с Ричардом. С такого расстояния фраз было не разобрать, и Кейн жалела, что не могла читать по губам. Почему-то ей казалось, что речь шла о чем-то важном.

— Анна, вы намекаете, что вас тошнит от

меня? — Стерлинг отпустил ее руку и сделал шаг назад. Впрочем, он стоял достаточно близко, чтобы перехватить Кейн снова.

— Мне говорили, что намеки у меня отлично получаются, — ответила она.

— Они получаются у вас прозрачными.

Ричард подозвал официанта, и Атрес взял с подноса бокал шампанского. В свете фонарей напиток в бокале напоминал расплавленное золото.

Когда Ричард указал в сторону Кейн, она невольно напряглась.

— Не говорите мне, что вы рассчитываете на спасение, — шутливо сказал Стерлинг, заметив это. — Ваш рыцарь весь в черном, и ему совершенно нечего здесь делать.

— Я предпочту рыцаря в черном рыцарю в коричневом, — ответила Кейн.

На самом деле в одежде Стерлинга не было ни одной коричневой детали, но он понял ее слова правильно:

— Похоже, у вас действительно неплохо получаются намеки.

Атрес посмотрел на Кейн в упор — что-то в его глазах даже с такого расстояния показалось ей странным — и пошел к ней. Он двигался со спокойной целеустремленностью человека, который не тратит время на праздные разговоры и не обращает внимания на препятствия. Этим он

тоже напоминал военного.

Стерлинг напрягся, но промолчал.

— Вы Анна Кейн? — спросил Атрес, остановившись в паре шагов от них. Он спрашивал равнодушно, холодно, не размениваясь на приветствия и элементарную вежливость. В его словах не было ни грубости, ни попытки расположить к себе.

— А вас, Алан, явно не учили здороваться, — Стерлинг успел ответить раньше Кейн. — Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить, кто ваш отец.

Стерлинг намеренно провоцировал его, и Кейн уже собиралась вмешаться, когда Атрес сказал:

— Не заинтересован.

— Прошу прощения?

— В разговоре с вами, — ровно и с обезоруживающей ледяной прямоотой ответил Атрес. — Я ищу Линнел Райт. Дворецкий сказал мне поговорить с Анной Кейн. Это вы?

— Верно, — Кейн коротко склонила голову в университетском поклоне. — Я с удовольствием поговорю с вами, Алан, если вы пригласите меня на вальс.

— Я не танцую, — равнодушно сказал он. — И обращайтесь ко мне по фамилии.

Стерлинга его ответ насмешил:

— Похоже, Анна, высшая справедливость все-таки существует. Вы отказались от танца со мной, и сами получаете отказ.

Кейн предпочла проигнорировать его:

— Вы уверены, господин Атрес? В конце концов, танцевать, — и на этих словах она кивнула на Стерлинга, — невозможно втроем.

Намеки действительно давались ей неплохо, потому что Атрес молча подал ей руку.

* * *

Когда он повел ее в центр площадки, где кружилось в вальсе еще несколько пар, Атрес предупредил:

— Я плохо танцую.

Он признавал это совершенно безэмоционально, с той резкостью, за которой легко угадывалась неловкость, и Кейн рассмеялась:

— До тех пор, пока вы не наступаете мне на ноги, я это переживу.

Его молчание стало очень красноречивым ответом.

— Вам, наверное, говорили, но иногда неумение танцевать делает мужчину милым. К тому же, этот танец — просто способ избежать нежелательных слушателей.

Она встала к Атресу вплотную, положила

руку ему на плечо. Они стояли очень близко, и Кейн обратила внимание на то, что глаза у него были абсолютно черные, радужка полностью сливалась со зрачком.

— Я признал, что не умею танцевать, — Атрес неловко приобнял Кейн за талию. — Это не дает вам права обращаться со мной фамильярно. Единственное, что меня интересует — где найти Линнел Райт.

Кейн вот уже около часа задавалась тем же вопросом, но она не собиралась этого признавать. Пока, по крайней мере:

— Произошло нечто непредвиденное. Просто подождите, Линнел вскоре появится. Если же вас что-то интересует, вы можете задать вопрос мне.

— У меня нет ни повода, ни желания задавать вопросы вам. Я еще не дал Линнел Райт ответ. Компании «Скайлинг» невыгодно вкладывать средства в «Трель».

— Однако же, отрицательного ответа вы пока не дали тоже. Предложение Линнел вас заинтересовало.

Кейн улыбалась, надеясь, что он не разгадает блеф. Она не знала, что именно предложила Атресу Линнел, но очень хотела бы это выяснить.

— Вы слишком много на себя берете, Кейн, — ответил Атрес. Они двигались по площадке неуклюже, потому что он действительно очень

плохо танцевал. Дважды они чуть не задели другую пару. — Мне нужна мастресса, но это не означает, что я соглашусь на любую мастрессу.

— Так же как не любая мастресса согласится на вас, — легко отозвалась Кейн. — Свободных представителей моей профессии не так много, почти все работают на государство. И нас сложно заинтересовать.

То, что он сказал, показывало ситуацию в совершенно ином свете: и просьбу Линнел приехать, и поведение Стерлинга. К мастрессам обращались, если дело касалось спирита, и раз Атрес не пошел со своим вопросом в Университет официально и не обратился к государственным специалистам, скорее всего, ему было нужно что-то опасное либо противозаконное. Линнел об этом знала, и была готова предоставить ему Кейн.

Скорее всего, у Линнел просто не оставалось иного выхода.

— Вы мне не нравитесь, — прямолинейно и абсолютно равнодушно сказал он. — Мы только встретились, но вы уже пытаетесь со мной торговаться.

Что ж, те, кто считал его резким, определенно считали так не зря.

Кейн едва успела убрать ногу, чтобы Атрес на нее не наступил:

— Я могла бы начать вежливую беседу ни о

чем, но мне кажется, что вам это не нужно. Вы производите впечатление человека, который любит говорить прямо.

— Верно, — согласился он. — Дальше.

— Я вполне могу не играть в намеки, — продолжила Кейн. — Вам нужна помощь массажистки. Я могу ее обеспечить.

— Вы так уверены, что ваши услуги того стоят?

— Я уверена, что они могут обойтись намного дороже.

Атрес замолчал, продолжая неловко вести в танце. Он все-таки наступил Кейн на ногу во время очередного па и еще дважды едва не наступил на платье.

— Знаете, вы действительно меня раздражаете, — сказал он наконец.

— Вас часто раздражает правда?

— Меня всегда раздражают вертихвостки.

Он говорил абсолютно бесстрастно, как мог бы комментировать отчет о смене воздушных течений, но все же Кейн хотелось рассмеяться в ответ на его слова. Почему-то с ним было по-настоящему легко. Он не пытался играть словами как Стерлинг, и то, что Атрес говорил, означало именно то, что он сказал, без подводных камней и попыток казаться лучше.

— Должно быть, — Кейн фыркнула,

представив его на других светских мероприятиях, — вам тяжело общаться в высших кругах.

— Нет, — коротко отозвался он. — Мне не приходится этого делать. И я не танцую.

— Для вас выходы в свет — обуза?

— Я просто не люблю бездельников, — пояснил он. — Нигде не видел больше бездельников, чем на подобных мероприятиях.

Кейн все-таки рассмеялась:

— Хотела бы поспорить, но у меня ни одного аргумента.

Она хотела добавить что-то еще, но площадку под ними неожиданно тряхнуло, заставив их прижаться друг к другу до неприличия близко.

— Извините, — автоматически сказала Кейн, но Атрес не ответил. Он стоял совершенно неподвижно, повернув голову влево, откуда уже доносились удивленные возгласы.

Кейн проследила за его взглядом.

За границей площадки, откуда-то снизу, вероятно, от несущего дирижабля, поднимался столб спирита. Он был полупрозрачный, голубовато светился в воздухе и казался совершенно неопасным.

Гости не знали, на что именно смотрят, и потому спокойно переговаривались, но Кейн видела перед собой утечку спирита, предположительно в

центральном узле — возможно, аварию, которая могла обрушиться «Грель» вниз.

— Какого черта... — Атрес шагнул в сторону заграждения, вероятно, собираясь рассмотреть, где начиналась светящаяся колонна, но площадка у них под ногами снова дрогнула, заставив Кейн судорожно уцепиться за него, чтобы не упасть. С грохотом посыпались с подносов бокалы, кто-то вскрикнул.

— Это... — успела выговорить Кейн, а потом спирит-сфера, защищавшая гостей от ветра, лопнула с пронзительным звоном. Взметнулись вверх пышные юбки, края белоснежной скатерти, и опрокинулась ваза.

Казалось, они вот-вот рухнут вниз. Плиты под ногами завибрировали.

— Это схема! Мне нужно туда! — попыталась перекричать нарастающий гул снизу Кейн, но ветер уносил слова.

«Мне нужно... Я постараюсь помочь...»

Если произошла авария с центральной схемой, Кейн действительно могла вмешаться. Ей только нужно было время, совсем немного времени.

Потом где-то на границе слышимости уши пронзил высокий писк, и все замерло, будто схваченное на пленку мгновение.

Люди замерли на середине движения, застыли в воздухе разметавшиеся от ветра волосы молодой

дамы, цветы склонились по направлению ветра.

Кейн повернула голову в сторону Атреса. Он стоял и держал в руках карманные часы. Резной узор на открытой крышке сиял пронзительно белым светом и отбрасывал странные тени вокруг.

Это был медиатор времени, достаточно сильный, чтобы остановить события.

Предметы-медиаторы теперь, когда спирт стал неотъемлемой частью жизни и лег в основу почти всех человеческих инструментов, бывали самыми разными: плащи, сохраняющие тепло, источники энергии для воздушных гондол, даже медицинские приспособления и средства связи. Их производили массово, какие-то были дороже других, какие-то дешевле. Они использовали спирт разных архетипов, и соответственно свойства у них были разные. Спирит времени был сложнее в работе, чем все остальные виды.

Встретить подобный предмет в руках обычного человека было как наткнуться на ледяной цветок в собственной оранжерее. Почти невероятно.

Атрес смотрел на Кейн напряженно, словно пытался разобрать ее на составляющие и предсказать, что она сделает дальше.

Должно быть, он пытался понять, почему она не застыла, как остальные, и какие вопросы начнет задавать.

Кейн действительно хотелось спросить прямо там, на рушащейся платформе, в абсолютной замершей тишине, среди людей-кукол и взметнувшихся вверх тканей: где вы его взяли? Откуда у вас этот предмет?

Но за пределами площадки в абсолютно застывшем мгновении светилась колонна спирита — единственный элемент кроме Кейн с Атресом, на который не подействовал медиатор — и эта колонна означала, что «Трель» целиком может просто перестать существовать.

— Сколько у нас времени? — спросила Кейн.

Атрес смотрел настороженно и мрачно, видимо решая, может ли ей доверять, но все-таки ответил:

— Около десяти минут. Это, — он кивком указал на колонну спирита, — похоже на выплеск центрального узла. Мы успеем добраться до двигателя?

Несущий дирижабль находился не менее, чем в семи ярусах от них, но Кейн сказала:

— Я создам спирит-сферу, мы попробуем спуститься в ней.

— Вы сможете? — спросил Атрес. Он задал вопрос спокойно и ровно, словно их жизни, так же как и жизни всех на платформе, не зависели от ответа.

Кейн была мастрессой Пятого Архетипа,

Архетипа «Мираж» — наиболее простого для овладения, а спирит миража не был материальным, он только позволял создать любой образ, любую видимость по желанию, но только на первом уровне.

— Я справлюсь.

На втором уровне, на изнанке Миража, если погрузиться в спирит целиком, глубже и глубже, не вниз, но внутрь, как бездна под волнами океана, лежал Нулевой Архетип — изначальный спирит, каким он был до того, как разделился на разные начала. Просто спирит — энергия, душа, извечная песня и все то неназываемое, для чего у человечества не было слов.

Вытащить его наружу, сквозь толщу Мираж, было трудно, тяжело и одновременно с тем давало ни с чем несравнимое ощущение... завершенности. Словно что-то в мире со щелчком становилось на место.

Нулевой архетип был материален.

— Я справлюсь, — повторила Кейн скорее даже для себя самой, повернулась к колонне спирита спиной и искала глазами точку смещения. Для каждого человека она была своя, просто какая-то деталь, которая появлялась в окружающей обстановке.

На площадке застыло пойманное, бесконечное мгновение — взвивались вверх углы скатерти и

юбки дам, разлетелся осколками бокал на полу, зависла в воздухе капля вина, заваливалась на бок ваза.

Почему-то для Кейн точкой смещения всегда было красное яблоко. В этот раз оно лежало на столе, пронзительно алое, настолько яркое, что практически светилось. Оно лежало рядом с упавшим цветком, нежной белой лилией, и, разумеется, было не настоящим.

Кейн посмотрела на это яблоко, и мир сместился.

Момент перехода всегда казался Кейн пробуждением, словно бы вся жизнь оказалась сном, и она наконец-то открыла глаза в мире миражей. Для каждой мастрессы и каждого мастреса смещение происходило по-своему, каждый видел реальность через призму своего собственного архетипа. В тот момент на замершей, застывшей во времени платформе все было миражом, этот мираж — материальный и гениальный в своей продуманности, в своей завершенности — прятался под поверхностью каждого предмета, тек кровью в венах людей, светился бликами на медных шестеренках птиц. Это был мираж-материал, мираж-суть, заполнявшая собою воздух от края до края, и сама Кейн в том застывшем воздухе тоже была миражом — разумным, тонким миражом. Полупрозрачным

спектром, проекцией на поверхность реальности.

Достаточно было вздохнуть, чтобы провалиться внутрь.

Она могла зачерпнуть мираж ладонями, вытащить его любым образом на поверхность мира — видимостью, иллюзией, но то, что было нужно Кейн лежало намного глубже.

Это было похоже на погружение — в суть. Глубже, и глубже, и глубже. Ближе.

Что такое мираж?

Что такое спирит?

Бесконечные волны и образы, океан от края до края сознания.

Крохотная точка размером с мир, внутри которой точка, внутри которой точка, внутри которой...

Где-то там, внутри всех точек бесконечная и неизбывная спала белизна — Нулевой Архетип. Начало всех начал.

Оно было ничем и всем сразу, неназываемое и прекрасное оно пело тысячей голосов, звало к себе.

Кейн зачерпнула его — не ладонями, внутри Архетипа она сама была лишь каплей — своей памятью, волей — немного, только бы хватило. И вернулась на поверхность — сквозь толщу Миража на площадку «Трели», к красному яблоку на столе.

Белый изначальный спирит извивался над ладонью, очень тяжелый и нестабильный, и она

поспешила дать ему форму — растянула в простую и легкую спирит-сферу, оставив только круги-команды для управления.

— Готово.

Сфера получилась неровная, кое-где в ней оставались проплешины, но она была осязаема — точнее, достаточно материальна, чтобы спуститься в ней к главному узлу.

Атрес аккуратно шагнул внутрь и коснулся стенки рукой, проверяя на прочность:

— Вы уверены, что она выдержит?

— Нет, — честно ответила Кейн, но она справедливо полагала, что Атресу на самом деле не так важно от чего умирать — от того, что откажет спирит-сфера, или от того, что они не успеют добраться до узла.

Внутри сфера казалась более устойчивой, чем снаружи, легко выдерживала вес двух человек, и управляющие элементы моментально отозвались на прикосновение.

Кейн с Атресом поднялись в воздух, пролетели над витым ограждением площадки, оставляя позади медных птиц и застывшие будто на фотопленке фигуры гостей.

Ярусы медленно проплывали вверх, по мере того, как спирит-сфера опускалась к основанию светящейся колонны.

У ног Атреса лежало красное яблоко. Точка

смещения усиливала связь с архетипом, и Кейн старалась не терять ее из виду.

Вдалеке за границей влияния медиатора времени по пронзительно звездному небу плыли облака. Где-то внизу, на самой границе видимости, выступали из вечного тумана Грандвейв перекоренные шпили Древних Городов.

— Мы почти на месте, — сказала Кейн. — Вы знаете, сколько у нас осталось времени?

Ей казалось, что свечение медиатора становилось все слабее.

— Около пяти минут, — спокойно ответил Атрес. — Поторопитесь.

— Эта сфера не может лететь быстрее.

По крайней мере, Кейн боялась, что изначальный спирит, который она вытащила из нулевого архетипа, просто не удержит форму и развалится.

Наконец, они опустились на уровень двигателей центрального узла. Узел располагался в металлической сфере, подвешенной на цепях между гондолами несущих дирижаблей. Колонна спирита разворотила ее крышу, и вывернутые стенки больше напоминали причудливые лепестки.

Рядом сиротливо завис красно-золотистый воздушный сампан Линнел. Выплеск спирита сорвал с него алый навес, и теперь тот бесполезной тряпкой застыл в воздухе. На него тоже действовал

медиатор времени.

Если Линнел была здесь, то Кейн понимала, почему Ричард ничего ей не сказал — не захотел поднимать панику. Скорее всего, они просто недооценили ущерб.

Спирит выплескивался из покореженного узла, и Кейн едва не потеряла контроль, когда представила, что Линнел могло задеть выбросом.

Отзываясь на ее эмоции, спирт-сфера дрогнула, пошла трещинами, и Атрес положил Кейн руку на плечо:

— Держите себя в руках.

Он был прав, разумеется, Кейн не имела права терять контроль в тот момент, тем более, что даже находясь внутри узла Линнел могла остаться в живых — первичный выплеск, судя по повреждениям металла, пришелся вверх.

— Извините, — коротко отозвалась она, заставляя сферу подлететь к узлу. Ремонтный люк был открыт, и внутри мягким пульсирующим сиянием светился двигатель.

На полу у самой стенки лежала женщина в синем вечернем платье. Светлые волосы растрепались и стелились по металлическому полу.

Кейн не видела Линнел почти пять лет, и все же узнала ее с первого взгляда.

— Не вздумайте сейчас тратить на нее время, — сказал Атрес, и как бы бессердечно это ни

звучало, но он был прав.

— Я знаю, — Кейн направилась к двигателю, испускающему колонну спирита. — Помогите Линнел и постарайтесь не отвлекать меня.

Медиатор в руке Атреса светился все слабее, и времени оставалось меньше с каждой секундой.

У самого двигателя, сразу над узлом, в светящейся колонне застыла центральная схема «Трели».

Ни мастрессы, ни медиаторы не сохраняли спирт в первоначальном его состоянии чистой энергии, его заключали в схему, заливали будто топливо в механизм, заставляя работать — поднимать в воздух населенные платформы, вроде «Трели», освещать помещения, крутить винты дирижаблей, защищать от холода или ветра. Схемы бывали самые разные — элементарные, доступные каждому, и сверх-сложные, почти разумные. Они проявлялись в разных формах — геометрических фигур и клочков тумана, силуэтов, предметов или даже людей.

Схема «Трели» была валькирией. Она парила неподвижно, эта светящаяся крылатая женщина в белых доспехах. Воздух едва заметно дрожал вокруг нее. В груди валькирии была дыра, внутри толчками пульсировало алое сердце. Оно выглядело объемным, почти осязаемым, и совершенно очевидно чужеродным.

Кейн стояла так близко, что различала тихий вибрирующий звук, обволакивавший схему, будто невидимый кокон — Песню. Эти ноты, высокие и едва слышимые, были совершенно нездешними, как отголосок Нулевого Архетипа, они долетали откуда-то с изнанки реальности. Так звучал только воплощенный спирт. У каждой схемы была своя Песня, и по ней легко можно было определить состояние спирита и надежность всего механизма.

Валькирия пела отрывисто, звук то пропадал совсем, то вдруг выбивался из ритма одной четкой явственно различимой нотой. Песня была прерывистой, нервной и неуловимо напоминала плач.

Зачастую, чтобы исправить сломанную или поврежденную схему, достаточно было выровнять ее звук.

Кейн позволила себе скользнуть глубже в Мираж, зачерпнула его спирита, текучего и невесомого, и попробовала коснуться валькирии.

Песня стала отчетливее, потекла вокруг и внутрь, сонастраиваясь с Миражом, принимая Кейн как часть себя.

Схема умирала.

Изнутри ее разъедала пронзительно красная болезнь, она расползалась тонкими нитями сосудов внутри, похожая на паразита. Кейн почувствовала прикосновение заразы к себе и передернулась. Это

не было сбоем схемы, кто-то намеренно использовал разрушающий медиатор, отравил центральный узел «Трели», рассчитывая уничтожить ее.

Кейн не знала никого, кто был бы на такое способен.

Ноты Песни обтекали, отдавались вибрацией в коже.

Находиться так близко к паразиту было опасно. Плотный, сотканный из тяжелого, осязаемого спирита — Кейн показалось, что она узнала архетип Обладания — алый комок тянулся сквозь валькирию и мог разрушить Кейн так же легко, как и схему.

Если бы у нее был выбор или хотя бы время, Кейн не стала бы рисковать, но ей нужно было исправить валькирию до того, как рухнула бы платформа.

Нити Миража вплелись в общую мелодию — тонкие, полупрозрачные, они все же выравнивали, вытесняли диссонанс, смягчали скачки звука, заполняли провалы.

Валькирия протянула к Кейн руки, как мог бы ребенок тянуться к матери. Должно быть, тот, кто создавал «Трель», задумал ее такой — пронзительно живой, вне-человечной. Сейчас она была больна, в ее голосе звучала отравка, но Кейн поймала себя на мысли, что, наверное, когда-то

валькирия была по-настоящему прекрасна.

Пока мираж лечил, паразит тянулся сквозь Песню к Кейн, касался рук, оставляя на коже кровоточащие тонкие полосы, пытался проникнуть глубже, в кровь, в воздух. Это была гонка на время.

Все за пределами Песни отдалилось, стало казаться ненужным и ненастоящим.

Колонна спирита истончилась, двигатель загудел ровнее, и Кейн почти пропустила момент, когда медиатор времени перестал действовать.

Сначала стало очень тихо, Песня замолкла, и Кейн автоматически повернулась назад, сама не до конца понимая зачем.

Потом мир бросился в лицо и хлынул внутрь какофонией цвета и звука, мешаниной образов. Мир впивался красными когтями в лицо, трясся, раскалываясь на части, пуля прошивала алое яблоко насквозь, падал, бесконечно падал, разбиваясь, бокал, смешивались краски, заливали все от горизонта до горизонта, колонна спирита рвалась в небо, сталкивая «Трель» вниз, и она падала, падала, падала...

Рука у нее на плече была твердой и жесткой, она выдернула Кейн из бушующего моря спирита, из красного марева паразита, позволяя сделать еще один глоток воздуха. Всего один — этого было достаточно.

Атрес что-то кричал, не разобрать что, и Кейн

отчетливо понимала, что у нее всего несколько секунд на то, чтобы вернуть контроль над узлом. На то, чтобы спасти «Трель» и выровнять превратившуюся в какофонию Песню.

Ей нужен был камертон, единственная нота, способная привести все к одному знаменателю. Всего один сторонний звук, но Кейн не могла найти его в себе, как ни пыталась. Выплеск спирита задел ее слишком глубоко, сплел с паразитом. Она уже была заражена.

Двигатель вот-вот должен был отказать, «Трель» опускалась все ниже и ниже, и Кейн ничего не могла сделать.

Она услышала совершенно случайно и совершенно отчетливо. Это был пульс, он бился быстро и сильно и вдруг перекрыл умирающий звук «Трели». Удар, еще удар.

Кейн подняла на Атреса неверящий взгляд, увидела его глаза прямо напротив — черные, прищуренные от боли — и поняла, что нашла.

Камертоном было сердце.

Кейн потянула этот звук к себе, в себя, сквозь Мираж и какофонию. Он был четкий и безусловный, этот звук, очень земной и от того неодолимый. Он упорядочивал, прогонял заразу, не оставляя ничего, кроме себя. Стало очень тихо, где-то на границе сознания затихала буря, засыпала валькирия, перерождаясь во что-то новое, совсем

другое, звучащее совершенно иначе.

— Я знаю кто вы, — хотела сказать Атресу Кейн. — Я знаю, почему вы звучите, как схема.

Губы не слушались, мир отдалялся все больше. Мираж засасывал в себя, убаюкивал, как сладкий черный океан. Нужно было держаться, но все стало пустым и неважным, Кейн видела себя на самой поверхности, и слои в глубине, и присутствие того самого древнего Нулевого Архетипа.

— ...вернуться! Кейн, вы должны вернуться....К...йн...

Кейн зацепилась взглядом за лицо Атреса совсем близко, за его глаза, за нахмуренные брови.

Точка смещения, ей нужна была точка смещения.

Глаза у Атреса были совершенно черные, страшные, будто провалы дула. На секунду в них единственным мазком цвета отразилось красное яблоко.

Что-то внутри со щелчком встало на место, Мираж схлынул, Кейн сделала еще один судорожный вдох и потеряла сознание.

* * *

Ей снилась валькирия, она протягивала на ладони красное яблоко, но когда Кейн уже

собиралась взять его, яблоко превращалось в карманные часы с резной крышкой. Где-то на границе восприятия расстилался океан Миража, образы всплывали с его поверхности и снова опускались вглубь, ниже и ниже, должно быть, к самому дну, к Нулевому Архетипу.

Часть сознания Кейн понимала, что это всего лишь сон, и он то стирался до черноты, то вновь обретал странную четкость, резал глаза.

Кейн пришла в себя будто от вспышки.

— ...шок... в-званный... перенапряжение архетипа... — голос звучал сухо и спокойно, совсем рядом, царапал голову изнутри. Кейн хотела сказать ему, чтобы он замолчал.

Медленно она открыла глаза.

Доктор Адам Лейбер, лечащий врач семьи Райт, наклонился к ней, положив прохладные сухие ладони на виски Кейн, осторожно повернул ее голову из стороны в сторону:

— Вы слышите меня, Аннет? Моргните, если да.

Аннет.

Он всегда называл ее так, на южный манер.

Веки казались неподъемными, опустить их было легко, поднять снова намного труднее.

Лицо доктора Лейбера теперь было намного ближе, причудливый монокль в витой золотистой оправе делал его похожим на странноватую птицу.

— У вас отравление спиритом и признаки истощения сознания. Я ввел вам антидот и несколько укрепляющих препаратов, но постарайтесь не вставать некоторое время.

Кейн медленно повернула голову, оглядывая комнату, в которую ее принесли. На резном секретере возле кровати мягко светилась спирит-лампа: простой матовый шар в кованном держателе с растительным орнаментом, над дверью из красного дерева было небольшое полукруглое окно. Тяжелые портьеры закрывали единственное окно — круглое, заключенное в причудливую деревянную раму, на этой раме где-то сбоку была надпись «А+Л навсегда».

В этой комнате Кейн жила, когда была ребенком.

В кресле возле кровати сидел Атрес. Он снял китель, повесил на спинку стула, и казался усталым.

Кейн задержалась на нем взглядом всего несколько секунд и снова посмотрела на Лейбера:

— Что с Линнел?

Лейбер замялся, явно решая, отвечать ей или нет, и все-таки сказал:

— Ее состояние тяжелое, и она не приходит в сознание, но опасности для жизни нет. У нее... вы мастресса, Аннет, вы и сами понимаете, что такое повреждения от выброса.

Кейн, разумеется, понимала. Спирит наносил не только физические повреждения, он воздействовал на сознание, последствия от него могли быть непредсказуемыми. Линнел могла вовсе никогда не проснуться.

— Мы делаем все, что в наших силах, — добавил Лейбер, хотя в этом не было нужды. — Линнел сильная женщина. В данной ситуации остается только верить, что она справится.

К сожалению, как знала Кейн, не всегда и не все в мире решала сила.

Иногда подлость и умение ударить исподтишка были намного действеннее.

— Передайте жандармам, пусть усилят охрану, — хрипло сказала она. — То, что произошло в центральном узле, не случайная авария. Кто-то использовал разрушающий медиатор.

Она была в этом практически уверена. Красный паразит был слишком чуждым, не похожим на то, как выглядела бы болезнь или сбой валькирии, и он стал намного сильнее, когда закончилось действие часов Атреса. Медиатор времени не мог воздействовать на чистый спирт, но мог влиять на прибор, который им управлял, невольно замедляя заразу.

— Ричард сделал это, как только мы получили сигнал тревоги, — ответил Лейбер. — Госпожа

Линнел приказала не поднимать панику и спустилась вниз с ключом от главной схемы.

Это было очень похоже на Линнел, попытаться все решить в одиночку.

— Как долго я была без сознания?

— Около двух часов, насколько я могу судить.

Аннет, вам очень повезло, если бы вы не были мастрессой...

Он не договорил, и Кейн ответила, как могла мягко:

— Бросьте, Адам. Если бы я не была мастрессой, я вообще не оказалась бы там. Гости знают, что произошло?

Он снова помялся, потеревил пуговицу, опять решая, что может рассказать, и нервные быстрые движения его пальцев вопреки всему успокаивали. Доктор Лейбер всегда был не по-врачебному труслив:

— Мы предпочли не предавать случившееся огласке. Ричард связался с Цитаделью, они пришлют инспектора, но в том, что касается гостей...

Кейн прекрасно понимала, о чем он: гости Линнел не должны были узнать, что едва не побывали на грани смерти. Это могло стоить «Трели» слишком дорого, особенно теперь, когда платформа опустилась так низко.

— Вы все сделали правильно, — сказала

Кейн. — Сообщите мне, когда Линнел придет в себя.

Она намеренно сказала «когда» вместо «если», и Лейберу хватило ума не пытаться ее поправить.

— Хорошо. Аннет, вам нужно отдохнуть. Если вам что-то понадобится, позовите меня. Я оставлю слугу у двери, — он повернулся к Атресу, видимо собираясь сказать, что Кейн требуется покой, и она решила вмешаться:

— Пусть Алан останется здесь. Мне спокойнее, когда он рядом.

Просьба Кейн определенно нарушала приличия, и Лейбер замялся, с сомнением глядя на Атреса. Впрочем, возможно, он просто не доверял чужаку:

— Вы уверены?

— В его присутствии я чувствую себя защищенной, — ответила она. — Все в порядке, Адам. Спасибо за помощь.

Это было почти грубо со стороны Кейн — заканчивать разговор так, но им с Атресом действительно нужно было поговорить без свидетелей, и чем раньше, тем лучше.

Возможно, Лейбер это понял, или же просто поверил, но он не стал задерживаться. Только собрал врачебные принадлежности в небольшой кожаный саквояж и, попрощавшись, вышел.

— Вы действительно чувствуете себя в безопасности рядом со мной? — нейтрально спросил Атрес, как только они с Кейн остались наедине.

— Разумеется, нет, — ответила она. — Я знаю, зачем вы остались сидеть у моей кровати, и я знаю, что вы такое.

— Я человек.

— Нет, Алан, — как можно мягче поправила она. — На самом деле уже нет. Вы — схематик. Вы знаете, что это означает?

— Я знаю, что это можно исправить.

Атрес казался спокойным, почти равнодушным, будто обсуждал какого-то постороннего человека. Наверное, подумала Кейн, ему дорого стоило это спокойствие. Пожалуй, она сама на его месте так бы не смогла.

— Медиатор — это система из четырех элементов, — сказала она. — Человеческой воли, схемы, которая заставляет спирит работать и придает ему необходимые свойства, сам спирит и предмет, который способен все это в себе соединить. Человек, когда активизирует медиатор, отдает схеме команду действовать. Схема заставляет спирит работать. В момент, когда вы активизируете медиатор, вы являетесь с ним одним целым, тем элементом, без которого схема неактивна. Чем лучше ваша с ней совместимость,

тем лучше работает медиатор.

Он слушал внимательно, не перебивая, хотя Кейн не говорила ничего нового. Все это Атрес знал и сам.

— Иногда, — продолжила она, — это порождает так называемый феномен сверхсовместимости. Вы сонастраиваетесь с медиатором и схемой, которую он носит, и ваша воля встраивается в систему уже без вашего ведома. Так начинается сращение. Схема понемногу проникает внутрь, вырастает в вас, как в продолжение медиатора — сначала завершает сонастройку, потом пропитывает тело спиритом, а после переносит часть себя непосредственно внутрь, все время поддерживая медиатор в активированном состоянии. И вы становитесь продолжением схемы.

— Этот процесс обратим, — сказал Атрес, и уверенность в его голосе была совершенно безусловной, непоколебимой. Что ж, в конечном итоге, он действительно был почти прав.

— Не совсем так, — поправила Кейн. — До последней стадии процесс можно прервать в точке расщепления — разбить единую систему на две: неработающий фрагмент схемы в теле человека и изначальный медиатор. Если потом медиатор будет уничтожен, вы снова станете обычным человеком. Механизм расщепления кажется довольно простым.

Нужен только кто-то, кто способен оперировать спиритом через архетип, и точка расщепления.

И все же Атрес не хуже Кейн знал, что никто не лечил схематиков. Они просто пропадали: ночью к ним приезжал черный мобиль государственного спирит-контроля, а наутро соседи делали вид, что этих людей никогда не существовало.

— Я знаю, что точки расщепления находятся в Древних Городах, на земле, — сказал он. — Чтобы добраться до них, необходимо пройти прослойку Грандвейв. С моими ресурсами это осуществимо.

— Дело не в ваших ресурсах, — ответила Кейн. — И даже не в Грандвейв. Точки расщепления — это узлы Земли. Первая спирит-катастрофа превратила Землю в медиатор, узлы — части ее схемы. Никто не рискует их трогать, потому что боятся последствий. Вы всего один человек, Атрес, каким бы влиятельным вы ни были. А если пострадает точка расщепления, это может повлиять на жизни тысяч людей. Никто на это не пойдет.

— Никто, у кого есть другой выбор, — поправил он. — Вы могли рассказать Лейберу обо мне, но вы этого не сделали, потому что знаете — я единственный, кто способен спасти «Трель». Ради нее вы готовы рисковать, и ради Линнел Райт, разумеется. Я нужен вам, Кейн.

За всю свою жизнь помимо Атреса Кейн

встречала лично только одного схематика, и тогда она тоже предпочла просто промолчать. Она тоже не выдала того человека, но и не помогла ему.

Но тогда это никак не было связано с Линнел и с «Трелью».

— Вы нужны мне, а я нужна вам, Атрес. Ни одна другая мастресса не согласится отправиться к точке расщепления. У нас обоих нет выбора.

За все время их недолгого знакомства он впервые посмотрел на нее с интересом:

— Вы торгуетесь, даже не зная, очнется Линнел Райт вообще и имеют ли договоры смысл?

— Да, — не стала спорить она. — Это называется надеждой, Атрес. Линнел очнется, и вы согласитесь на ее условия. Тогда я спасу вам жизнь.

Глава 2

В кабинете было холодно, и неприятно тянуло сыростью из приоткрытого окна. На «Трели» ослабили контроль за защитными сферами, стараясь сбросить больше мощности для двигателей, и облачная муть просачивалась на улицы, заливая их туманом.

Кейн было холодно, но она не просила закрыть окно, хотя ее тонкая белая шаль почти не грела.

— Вам холодно, Анна? — спросил инспектор

Федерико Тольди, препарировав Кейн взглядом прозрачных, слегка навывкате глаз. Тольди сидел напротив за массивным деревянным столом Линнел и выглядел в точности таким же, каким Кейн помнила его во время их последней встречи два года назад.

Федерико работал следователем в Управлении по расследованию спирит-преступлений и тогда обращался к ней как к независимому эксперту.

— Последствия отравления миражом. Вы сами знаете, как это бывает, — пояснила Кейн, кутаясь в шаль, и чувствуя себя совершенно разбитой. Слабость не проходила вот уже несколько дней и никак не получалось согреться.

Все эти дни Линнел не приходила в себя, и это беспокоило все больше. Доктор Лейбер сделал все, что мог, и добавить ему было нечего. Оставалось только ждать.

— Со мной все в порядке, Федерико. Я готова ответить на ваши вопросы, — Кейн хотелось закончить с этим как можно быстрее.

Тольди не был первым, кто опрашивал ее — изначально аварией в центральном узле занималась местная жандармерия, но все же именно разговора с ним Кейн опасалась больше всего. Федерико был мастрессом на государственной службе. Он разбирался в схемах немногим хуже преподавателей в Университете, и любая

нестыковка в показаниях, которую пропустили бы жандармы, для него стала бы очевидна.

— Расскажите все с самого начала. Как вы оказались на «Трели»?

У него была неприятная привычка смотреть словно сквозь собеседника, на которую Кейн никогда не обращала внимания раньше. Но раньше ей не было необходимости утаивать информацию.

— Мне позвонила Линнел и попросила приехать, — лгать об этом не имело смысла, и Кейн сказала правду. Тогда звонок шел по государственной линии, и его легко было проверить. Впрочем, проверять такие вещи у Федерико не было причин.

— Вы часто видите? — уточнил он, склонившись над блокнотом. Белесые, почти бесцветные волосы упали Тольди на лицо, и он привычным жестом поправил их, чтобы не мешали.

— Нет, мы не встречались пять лет, — спокойно ответила Кейн.

— Это долгий срок. Вы знаете, зачем она пригласила вас на прием?

— Полагаю, это касается «Трели». Платформа опустилась слишком низко, и у Линнел нет денег на ремонт. Думаю, она хотела обратиться ко мне за помощью.

— Думаете, ее интересовали ваши деньги? — Тольди задавал вопросы так, словно заполнял

пункты в списке, размеренно и почти небрежно, но это была мнимая небрежность. Кейн знала его как человека, который никогда не упускал из виду деталей.

— Федерико, вы прекрасно понимаете, что у меня нет таких средств. Но у меня есть связи, и я знаю множество полезных людей. Думаю, Линнел интересовало это.

Тольди сделал еще несколько пометок в блокноте:

— Вы собирались ей помочь?

— Разумеется. Мы с Линнел выросли вместе. Я несколько лет жила на «Трели», когда была ребенком. Это место много значит для меня.

— Вы признаете, что вы пристрастны? — Тольди несколько раз постучал колпачком ручки по блокноту, словно пытаясь найти в ее словах подвох.

— Да, — ответила Кейн. — Я не отрицаю, что для меня это личное. Тем более теперь, когда Джеймс Стерлинг собирается купить платформу, и авария ему выгодна.

Тольди замер на несколько секунд, будто пес, который учуял добычу, а потом подчеркнуто аккуратно перевернул страницу:

— Вы считаете, что он может быть замешан в аварии?

Он спрашивал совершенно бесстрастно, и все же Кейн поняла, что именно в тот момент начался настоящий допрос.

На самом деле она не думала, что Стерлинг стоял за аварией на «Трели». Едва ли он стал бы использовать паразита, пока сам находился на платформе. Тот, кто чуть не разрушил центральную спирит-схему, планировал уничтожить «Трель» вместе со всеми жителями.

Кейн считала Стерлинга ублюдком, но вряд ли он был способен хладнокровно убить несколько тысяч человек.

— Я считаю, что это возможно, — тем не менее, сказала она. — Авария могла снизить рыночную стоимость платформы. У Джеймса Стерлинга был мотив.

— Это серьезное обвинение. Вы уверены, Анна? — перо на кончике ручки тихо скрипнуло о бумагу, будто поставив галочку, а Тольди вопросительно посмотрел на Кейн.

— В том, что считаю так — да, — нейтрально ответила она.

Тольди вряд ли верил ей, но он не имел права игнорировать показания. Тем не менее, он читал отчеты жандармов, и видел остатки медиатора разрушения собственными глазами. Паразит, который проник в валькирию, не был создан, чтобы «снизить рыночную стоимость», он был заточен на полное разрушение центрального узла.

Кейн подозревала, что это все равно было связано со Стерлингом. Купив собственную

платформу, он получил бы доступ к новым ресурсам и место в сенате, и многим это не нравилось. Возможно, среди этих людей были те, кто готов был уничтожить «Трель», лишь бы она не досталась никому.

Обвинив Стерлинга, Кейн могла ненадолго помешать его попыткам объявить Линнел недееспособной и купить платформу, а это — пусть косвенно — но могло защитить «Трель» от повторной аварии хотя бы на время.

— Когда вы узнали, что в центральном узле произошла авария? — спросил Тольди, сделав несколько пометок в блокноте.

— Тогда же, когда и все остальные на платформе, я увидела поток спирита в небе.

— Вы сразу поняли, что это авария в центральной схеме? — уточнил он.

— Федерико, я не слишком разбираюсь в механике платформ, — честно признала Кейн. — Но я прекрасно знаю, что если в воздухе колонна спирита — это плохо.

Допрос неизбежно подходил к самой опасной части — к тому, что произошло в центральном узле. Кейн собиралась солгать, выгораживая Атреса, как она уже лгала, рассказывая эту историю жандармам.

Укрывательство схематика было преступлением, и Кейн не была уверена, насколько

риск оправдан.

Линнел могла никогда не проснуться, «Трель» все еще могла достаться Стерлингу.

И все же, если был хоть какой-то шанс, Кейн не имела права его упустить. Она никогда не считала себя хорошим человеком, но даже для нее существовали вещи, ради которых стоит рисковать.

Она не могла выдать Атреса, подписав ему смертный приговор и лишив Линнел последней возможности спасти «Трель».

И, если перестать лгать самой себе, ей просто не хотелось быть причиной чьей-то смерти.

Атрес не был виноват: ни в том, что стал схематиком, ни в том, что никто так и не придумал способа лечить это без точки расщепления.

Так что, возможно, дело было не только в «Трели», не в проблемах Линнел.

По крайней мере, когда несколько лет назад перед Кейн стоял точно такой же выбор — выдать схематика или промолчать — она промолчала.

Впрочем, тогда это совершенно ничем не грозило ей лично. Тогда Федерико Тольди не приходил ее опрашивать и не препарировал спокойным, равнодушным взглядом.

— Расскажите, что произошло, после того как вы увидели утечку спирита.

— Когда я поняла, что случилась авария, я скрыла поток спирита миражом, чтобы не

провоцировать панику среди гостей, и отправилась к центральному узлу, — Кейн говорила уверенно и четко, потому что именно так она поступила бы, если бы не медиатор времени.

— Вы взяли с собой Алана Атреса. С какой целью?

В ее показаниях это было самым подозрительным моментом, и Кейн знала, что Тольди не упустит его из виду.

Обычному человеку нечего было делать рядом с центральным узлом. У мастрессы архетипа не было причин брать с собой обычного человека.

— Вам кажется это странным? Я просто растерялась, Федерико. Я не знала, что именно произошло — повреждение двигателя или самой схемы. Алан воздушный капитан, в тот момент мне показалось, что он сможет помочь.

Объяснение было слабым, малоубедительным, и Кейн казалось, что Тольди видит ее ложь насквозь, но именно эту ложь он не мог ни проверить, ни оспорить.

— Это единственная причина? — кончик ручки на секунду замер над страницей блокнота, будто на полуслове.

— Да, — ответила Кейн спокойно и твердо, совершенно отчетливо понимая, что совершает преступление, которое может разрушить всю ее жизнь.

— Хорошо, — Тольди поставил точку.

* * *

Сад на «Трели» располагался почти у самого края верхнего яруса, часть его выходила отдельной площадкой наружу, и в ясные дни с нее можно было увидеть клубящийся где-то внизу Сонм. Сейчас все скрывала облачная муть, в которой раз за разом, как тени под поверхностью воды, проступали образы-обрывки схем: фрагмент крыла птицы, наконечник копья, женская фигура на носу корабля.

«Трель» опустилась слишком низко, почти на уровень Грандвейв.

Было холодно, шаль не спасала от сырости, и на волосах оседала мелкая морось дождя. Вход на площадку почти терялся в тумане, и казалось, что облетевшие розовые кусты стирались до белизны, как незаконченная акварель. Пахло осенью и влажной землей.

Сад производил угнетающее впечатление.

Кейн знала о том, что так будет, и все равно после разговора с Тольди пришла сюда. В детстве это было ее любимое место.

Сад был личным проектом Линнел. Заботиться о нем на воздушной платформе было нелегко, и большую его часть закрывали

стеклянными куполами, только эта площадка оставалась открытой. На ней почему-то росли только розы — упрямые северные розы, которые почти никогда не цвели, и даже когда они цвели, их бутоны больше напоминали выцветшие белесые плевки.

Теперь и их не было.

Кейн зябко поежилась и потеряла плечи. Ее злила собственная сентиментальность, совершенно ей не свойственная, и эти странные приступы ностальгии.

В конце концов, Линнел позвала ее не для того, чтобы вспомнить прошлое. Она обратилась не просто к подруге детства, а к мастresse Пятого Архетипа, потому что нуждалась в помощи, и Кейн собиралась сделать все, что в ее силах. В ее планах не было места ни для меланхолии, ни для жалости к себе, ни тем более для уныния, в которое приводил один вид этого сада.

Разговор с Тольди прошел настолько гладко, насколько это вообще было возможным, и все же она чувствовала себя беспокойно. Люди, которые попытались уничтожить «Трель», могли повторить попытку до тех пор, пока верили, что платформа достанется Стерлингу. Вычислить, кто именно использовал разрушающий медиатор, было невозможно, но даже если бы удалось, это все равно не решало главных проблем. «Трель»

нуждалась в ремонте, и как можно скорее.

Кейн хотелось действовать, но пока Линнел не приходила в сознание, оставалось только ждать.

Время играло против нее.

Она еще не обсуждала это с Атресом, вообще не виделась с ним после того, как пришла в себя в своей комнате несколько дней тому назад, но даже если бы он согласился со всеми условиями Линнел, предстояло еще каким-то образом спасти ему жизнь. Кейн не лгала, когда говорила, что процесс расщепления схематика считался довольно простым, но ему нигде не обучали, и механизм никто не проверял со времен Первой Катастрофы.

Саму затею — пройти Грандвейв и отправиться к узлу Земли — многие назвали бы путешествием в один конец.

Кейн представила себе Линнел, почему-то именно такой, какой увидела ее на полу в центральном узле, и подумала: просыпайся. Просыпайся, ты очень мне нужна.

Без тебя здесь все развалится.

Шаги за спиной заставили ее вздрогнуть. В первое совершенно безумное мгновение Кейн пришло в голову, что это действительно Линнел, хотя даже если бы она пришла в себя, никто не отпустил бы ее гулять по саду.

В тумане вырисовывалась высокая мужская фигура, почти неразличимая в молочной белизне.

Она шла по проходу, никуда не торопясь и как будто без цели, словно прогуливаясь.

— Что вы здесь делаете? — спросил Атрес, подойдя ближе.

Он спросил это прямо, почти строго, как мог бы капитан спрашивать своего подчиненного, и это должно было раздражать, но почему-то только вызвало у Кейн улыбку:

— Вы действительно не умеете вести светскую беседу, Алан.

Атрес казался странно уместным там на площадке — строгая черно-белая фигура, словно сотканная из белесой мути вокруг. Голые розовые кусты по бокам дорожки будто обрамляли его в терновую раму.

— Врач советовал вам лежать, — Атрес проигнорировал, что она назвала его по имени, и встал рядом с Кейн, заложив руки за спину.

— Это было несколько дней назад, — пожалуй, глупо было вот так храбриться в его присутствии, потому что она все еще чувствовала себя истощенной, но Кейн просто не хотелось пока возвращаться в комнату. — Вы беспокоились за меня, я польщена.

Она сказала это не всерьез, полушутя, но Атрес все равно ответил без улыбки:

— Я не беспокоился за вас, я осматривал «Трель». Хочу понять, во сколько мне обойдется

помощь Линнел Райт. Не думал, что платформа в настолько плачевном состоянии.

Кейн улыбнулась и снова посмотрела на Сонм. Ей показалось, что просвете облаков мелькнул погнутый шпиль высокого здания:

— Вы не знаете, очнется ли Линнел, но уже прикидываете сумму, о которой она попросит?

— Несколько дней назад мы решили, что это «надежда».

Кейн плотнее укуталась в шаль, хотя та совершенно не спасала ни от холода, ни от сырости:

— Вы поверили мне.

— Разумеется.

Он сказал это абсолютно спокойно, просто констатировал факт, и было очень странно думать, что человек вроде Алана Атреса доверился словам Кейн, пусть даже в такой малости.

— Знаете, вам на самом деле очень повезло. С момента Первой Катастрофы у схематиков не было даже надежды. Для всех, кроме вас, независимо от статуса и денег, это все еще приговор.

— Надежда имеет смысл, только если она оправдывается, — спокойно ответил он. Внизу, слева от них в облачном просвете медленно проплывала скошенная вершина какой-то башни. — Вы пока еще не вылечили меня. Линнел Райт пока еще не очнулась, а платформа все еще нуждается в срочном ремонте, — он оглянулся по сторонам и

равнодушно пожал плечами. — Угнетающее зрелище.

Умом Кейн понимала, что в глазах постороннего человека «Трель» действительно была просто платформой в аварийном состоянии — старой, обедневшей и не стоящей того, чтобы ее спасти.

— Просто сейчас не сезон, — тем не менее, сказала она. — Когда этот сад зацветет, здесь станет по-настоящему чудесно.

Кейн, разумеется, преувеличивала, потому что даже ей эти розы — маленькие, понурые и очень живучие — не особенно нравились. Шипов у них было больше, чем листьев, и цвели они недолго. Просто она выросла рядом с ними, и только потому они имели для нее значение. Желание доказать их ценность было на самом деле из детства, и, как и многие ее порывы родом из детства, толкало Кейн на глупость. После разговора с Тольди, в котором ей приходилось взвешивать каждое свое слово, наперед просчитывать последствия, даже хотелось совершить эту глупость. Всего одну, безобидную:

— Знаете, Атрес, если бы вы увидели этот сад во всей красе, думаю, вы бы его полюбили.

Он повернул к ней голову, посмотрел абсолютно бесстрастно. Зрачки сливались с радужкой, и от того казались двумя аккуратными дырами:

— Я равнодушен к цветам.

— Вы просто не видели, — улыбнулась Кейн. — Смотрите.

Использовать архетип в ее состоянии было неразумно, и все же она нашла взглядом красное яблоко и потянулась к спириту под поверхностью мира. Мираж плеснул наружу, привычно затопил пространство, и достаточно было всего лишь зачерпнуть, чтобы вытянуть желаемый образ.

Первым она создала запах, он был морозный, очень нежный и почти неразличимый, с едва уловимой нотой соли. Кейн выхватила его из воспоминания: ей тогда было восемь. Весна наступила рано, розы распустились, а потом снова вернулись холода. Кейн пришла на эту площадку, и розы облетали. Лепестки ложились на землю медленно, торжественно и очень тихо. Она так плакала тогда, думала, что цветы умирают. Хотя на самом деле этот сорт оказался по-настоящему живучим.

Атрес нахмурился, обернулся на пустой сад, и Кейн плеснула миражом на дорожки, на колючие, почти черные от влаги кусты. Цветы распускались — нежные, почти светящиеся бутоны. На самом деле эти розы никогда такими не были, они только казались такими в детстве, когда все было больше и ярче.

— Достаточно, — сказал Атрес, и в тишине

его голос был четким и безусловным, как выстрел.

Кейн убрала мираж, и он растворился в воздухе, превратившись в обычное воспоминание. Немедленно накатила слабость, и огромного труда стоило не упасть.

— Видите? — спросила она, заставляя себя улыбаться. — По-настоящему чудесно.

Атрес смотрел на нее мрачно и совсем не походил на человека, которому понравилось:

— Я не думал, что вы настолько...

— Романтична? — подсказала ему Кейн, чувствуя, как начинается озноб. Ей действительно не стоило использовать спирт в таком состоянии.

— Глупы, — холодно поправил он, как будто ее глупость оскорбляла его лично.

Это было забавно, и она действительно могла бы засмеяться, если бы ее чуть меньше трясло от холода:

— Алан, я солгала инспектору и согласилась помочь схематику. Я или полная дура, или безумна. Вы знали об этом с самого начала.

Атрес снял китель, накинул ей на плечи, и сразу стало теплее:

— Помолчите. Вы уже достаточно наговорили.

Китель казался тяжелым, плотная ткань еще хранила тепло тела, пахла горьковатой туалетной водой и едва заметно человеческой кожей. Это

почему-то смущало, и вместе с тем собственное смущение казалось Кейн почти смешным.

— Теперь замерзнете вы, — сказала она.

— Со мной все будет в порядке, — сухо отозвался он, хотя его белая рубашка, наверное, совершенно не спасала ни от холода, ни от сырости.

— Извините, Атрес. Глупо получилось, — последствия использования спирита стирались быстро, понемногу отступал холод. Впрочем, Мираж все-таки был родственным для Кейн архетипом, он почти не требовал от нее усилий для использования.

— Хорошо, что вы это понимаете. И можете называть меня по имени. Вы и без того постоянно сбиваетесь, звучит совершенно нелепо.

— Вас это раздражает.

— Естественно.

Она снова повернулась к краю площадки, туда, где в белизне угадывались текущие силуэты Грандвейв. Кейн не хотелось видеть глаза Атреса в тот момент. Все-таки у него был очень равнодушный взгляд.

— Вам действительно не понравился сад. Жаль. Мне хотелось, чтобы вы увидели «Трель» красивой. Знаете, это место стоит того, чтобы его полюбить.

— Я равнодушен к миражам, — голос у него был спокойный, совершенно невозмутимый.

— И к цветам. Да, я поняла, — Кейн наконец согрелась и сняла китель, протянула Атресу. — Спасибо.

Он проигнорировал:

— Что вы будете делать, если Линнел Райт не очнется через неделю?

— Подожду еще неделю, — без кителя снова стало холодно, и Кейн плотнее укуталась в шаль. Это не помогло. — У меня не так много вариантов.

— Платформа нуждается в ремонте, чем скорее, тем лучше. Если мы опустимся еще немного ниже, окажемся в Грандвейв.

— И ваше время тоже не бесконечно, — добавила она, хотя и не знала, как далеко зашел процесс. Некоторые схематики мутировали в последнюю стадию годы, некоторым хватало недели. Говоря откровенно, Кейн и не хотелось знать, как много времени у Атреса, потому что пока она все равно ничего не могла сделать.

Она вдруг представила, что они все ждут и ждут, пока проснется Линнел, а Атрес медленно сливается с медиатором, чтобы в конечном итоге превратиться в схему вроде валькирии. В призрака самого себя. Мысль была жуткая и одновременно с тем совершенно нереальная.

Атрес казался очень жестким и слишком настоящим, чтобы представлять его в качестве схемы.

Кейн поежилась.

— Я свяжусь с главным офисом «Скайлинг», они пришлют несколько грузовых дирижаблей, чтобы помочь «Трели» набрать высоту, — неожиданно сказал он. — Я также дам деньги на первичный ремонт. Простейший, разумеется, только чтобы платформа могла уверенно держаться в воздухе. Линнел Райт без сознания и не может принимать никаких решений, но у нее есть управляющий. Его подписи на договоре будет достаточно.

— Это щедрое предложение, — мягко заметила Кейн. — Слишком щедрое, чтобы быть правдой.

— Разумеется, — не стал спорить Атрес. — Компания «Скайлинг» заключит с «Трелью» контракт, а вы отправитесь со мной к точке расщепления. Если после я вернусь живым, моя компания спишет долг и оплатит капитальный ремонт. Если же нет, Линнел Райт придется вернуть все затраченные на «Трель» средства. Если вы согласитесь, мы отправимся в Древние Города сразу, как будут улажены формальности.

Может быть, не безрассудно щедрое, но его предложение все еще было хорошим:

— Вы готовы указать в контракте, что спишите долг сразу, как только вернетесь? — спросила она.

— Верно.

— Вы же понимаете, это, скорее всего, станет известно Стерлингу. Он сделает все, чтобы мы не вернулись.

— Разумеется.

Атрес не боялся. Или не подавал виду.

— Выбор только за вами, — добавил он. — Вы не знаете, очнется Линнел Райт или нет, и насколько риск оправдан. Но вы уже солгали ради меня инспектору и уже замешаны в происходящем.

Кейн улыбнулась:

— Вопрос надежды?

— Да.

— Вы же знаете, я уже дала на него ответ.

* * *

Ричард — а пока Линнел не пришла в себя, управляющим на платформе был именно он — согласился принять помощь «Скайлинг» тем же вечером. На самом деле он ничем принципиально не рисковал, «Трель» все равно катастрофически нуждалась в ремонте.

Уже на следующий день, ближе к вечеру, прибыли грузовые дирижабли — восемь массивных воздушных судов черно-красной расцветки, фирменных цветов «Скайлинг».

Кейн стояла рядом с Атресом на главном

воздушном причале и смотрела, как их тросами крепили над ключевыми узлами платформы.

Облачная муть наконец-то рассеялась, и небо было пронзительно-голубым, почти прозрачным. Таким ясным, каким оно бывало только на «Трели».

Атрес следил за процессом молча, привычно заложив руки за спину, и казался до странности уместным, словно кто-то нарисовал его как картинку специально на воздушном причале — строгую, одетую в капитанский костюм фигуру с идеально прямой спиной.

Атресу шли открытые пространства, наполненные воздухом.

Уже через несколько часов «Трель» начала набирать высоту. Сонм отдалился, стал рваной облачной пеленой где-то внизу, и уже невозможно стало разглядеть отдельные схемы. Впрочем, у Кейн и не было повода смотреть вниз.

На следующий день на платформу прибыл адвокат «Скайлинг» и привез с собой договор. Уточнение и подписание его не заняло много времени.

Вечером, через два неполных дня после разговора в саду, Кейн впервые пришла в комнату Линнел.

Было темно, на столе горела одна единственная масляная лампа — Линнел не выносила спирт-светильников у себя в спальне —

и пахло лекарствами.

Тяжелые темно-синие портьеры закрывали единственное круглое окно.

Линнел лежала на двуспальной кровати, их с Дэном кровати, и казалась ребенком. Свет лампы ложился на ее лицо, и оно казалось пронзительно ярким по сравнению с чернильными тенями, притаившимися в углах комнаты.

На стуле возле кровати Линнел сидела девочка лет десяти.

Кейн сразу стало неловко. О Мери Райт — дочери Дэна и Линнел — она не знала практически ничего. Кейн видела ее всего пару раз.

У Мери были темные вьющиеся волосы и темные глаза, как у матери Дэна. Она даже внешне ничем не походила на Линнел.

— Госпожа Анна, — Мери слегка поклонилась, не вставая, и замолчала.

Кейн никогда о ней не вспоминала. Мери будто была из какой-то другой параллельной жизни Линнел, которая никогда не имела значения.

— Мама пока не пришла в себя.

— Это вопрос времени, — как могла уверенно ответила ей Кейн, хотя собственный голос показался ей чужим. Линнел не приходила в сознание уже четыре дня.

Ее раны не были смертельны, но никто не мог сказать, чем обернется спирт-отравление.

Иногда люди засыпали навсегда, иногда пробуждались без последствий. Иногда умирали спустя некоторое время.

— Спасибо, что приехали. Мама очень вас ждала, — Мери говорила спокойно, по-детски прямолинейно, не обвиняя и без злости, и все же ее слова били навывлет.

«Я опоздала, — подумала Кейн. — Мне следовало приехать раньше».

Ей не хотелось об этом говорить.

Она прочистила горло, прежде чем ответить:

— Я думала, ты сейчас в школе.

— Я приехала на праздник, — Мери смотрела серьезно, казалась старше своих лет, и Кейн вдруг стало стыдно, что она никогда даже не задумывалась о дочери Линнел. Ей не приходило в голову ни предложить ей помощь, ни даже просто поговорить. Даже теперь в первую очередь Кейн ощущала неловкость.

Пожалуй, она просто не ожидала застать кого-то в комнате.

Кейн просто пришла попрощаться.

Линнел разозлилась бы, наверное: и на это, и на то неловкое молчание, которое последовало после слов Мери.

Кейн не знала, что сказать.

— У тебя все хорошо? — наконец спросила она.

— Да. Ричард обо мне заботится.

Насколько Линнел была важна для дочери?
Как часто Мери вообще видела мать?

Кейн подумала, что так могло случиться только в жизни. Будь она героем книги, она пришла бы к постели Линнел, и никого не оказалось бы рядом.

— Если вы хотите, я могу уйти, — сказала Мери, глядя снизу-вверх серьезными темными глазами. Она напоминала куклу, эта не по годам серьезная, совершенно не похожая на свою мать девочка.

— Не надо. Я зашла просто узнать, как состояние Линнел.

Кейн все равно не смогла бы ее прогнать:

— Мне нужно будет уехать ненадолго, я вернусь... как можно скорее, — она закончила неловко и добавила. — Скажи маме... когда она очнется, мы обязательно поговорим.

Мери молчала, и уже закрывая за спиной дверь, Кейн услышала:

— Да, госпожа Анна.

Ей захотелось прислониться к двери спиной.

* * *

Личный корабль Атреса назывался «Сильверна». Это был среднего размера дирижабль

серебристо-белого цвета, почти без декоративных элементов. Он был жесткого типа, с типичными для такой конструкции страховочными спирит-двигателями. Главная схема выглядела как птица, и проекции ее крыльев едва заметно светились под гондолой.

«Сильверна» одновременно казалась совершенно не похожей на Атреса и странно ему подходила.

Она подошла к главному причалу «Трели» в восемь тридцать утра, и на Атреса с Кейн легла ее полупрозрачная тень.

Десять белых винтов «Сильверны» начали замедляться, и посадочные механизмы потянули дирижабль вниз.

Атрес смотрел за стыковкой, привычно заложив руки за спину, и ветер трепал его черные волосы.

В тот момент Атрес казался до смешного красивым. Пронзительно свободным и странно черно-белым.

Возможно, ситуация не располагала к этому, но Кейн, не удержавшись, улыбнулась:

— Художники выстроились бы в очередь, если бы увидели вас сейчас, Алан.

Он ответил равнодушным взглядом:

— Я не понимаю о чем вы.

— Вам идут небесные корабли, — сказала

Кейн.

— Дирижабль — не аксессуар. Он не может идти.

— Я не стану с вами спорить. Это не в моих интересах, — Кейн поправила сбитую ветром шляпу, переложив свой походный саквояж из левой руки в правую. Она всегда старалась брать с собой как можно меньше вещей, и каждый раз это старание шло прахом.

Атрес заметил ее дискомфорт, протянул руку:

— Дайте. Я помогу.

— Благодарю, — Кейн не видела причин отказываться, хотя Атрес с ее красным, совершенно женским саквояжем выглядел довольно забавно. — Не думала, что вы способны на галантность.

— Хотите, чтобы я его вернул?

— Как только мы поднимемся на борт, — Кейн улыбнулась, заправляя за ухо выбившуюся прядь волос. Пока «Сильверна» заходила на посадку, «Трель» отключила главный спирит-купол, и по посадочной площадке гулял ветер.

— Это очень раздражающая привычка, — недовольно поджав губы, ответил Атрес.

— Принимать помощь?

— Оставлять за собой последнее слово.

«Сильверна» наконец опустилась достаточно низко, и из гондолы спустили трап — пронзительно

белый настил с выступами ступеней.

Атрес поднялся первым, и Кейн последовала за ним.

Она всегда летала обычными транспортными дирижаблями, как правило рейсами медиум-класса, и их салоны всегда ассоциировались у нее с красными кожаными креслами компании «ВиндВингс», запахом кофе и аккуратными официантами в белоснежных рубашках. Небесный корабль Атреса был разведывательным судном, и внутри выглядел совершенно иначе.

Они оказались в просторном грузовом отсеке, по краям стен выстроились в два яруса обтекаемые небесные гондолы, тоже бело-серебристые, отмеченные крылатым логотипом «Скайлинг». Буквой П над ними располагалась металлическая галерея. Наверху, почти под самым потолком, был ряд круглых корабельных окон, свет из которых ложился на пол, будто пятна прожекторов. В воздухе кружились пылинки, пахло машинным маслом, и тихо гудели двигатели где-то за переборкой.

У входа Атреса встретил молодой человек лет семнадцати, одетый в стандартную униформу «Скайлинг». У него были светлые непослушные волосы, которые делали его похожим на одуванчик, и пронзительно голубые глаза.

— Капитан Атрес, — юноша отсалютовал

по-военному, и вытянулся в струнку. — Добро пожаловать на борт.

Он излучал тот неизбывный, неразбавленный оптимизм и радость жизни, которые люди вроде Атреса ненавидели всей душой, и тем удивлял.

Кейн он напоминал ретривера, немного склонного к самоубийству.

— Отнеси в мой кабинет, — не здороваясь, сказал Атрес и протянул ему саквояж Кейн.

— Да, капитан! — юноша принял саквояж, и на секунду Кейн подумала, что он прижмет его к себе, будто дорогой подарок. Впрочем, обошлось. — Все системы готовы к вылету. Я проложил курс на Цитадель с учетом сезонных воздушных течений и...

— Я перепроверю, — оборвал его Атрес. Наблюдать за этим со стороны было почти забавно.

— Да, капитан, — юноша снова вытянулся по стойке смирно и быстро поклонился. — Разрешите идти?

Атрес поморщился, но не возразил, хотя армейское обращение все-таки звучало неуместно:

— Идите.

— Ваш родственник? — спросила Кейн, когда юноша поднялся на верхний ярус и скрылся за дверью в дальней переборке.

Атрес посмотрел на нее удивленно, а потом нахмурился:

— Вы первая, кто заметил семейное сходство.

Недоумение Атреса было совершенно понятным — молодой человек ничем не был на него похож. Мысль о родстве пришла Кейн в голову по другой причине:

— Едва ли вы стали бы его терпеть, не будь он родственником, — сказала она.

Он едва заметно улыбнулся в ответ. Атрес улыбался очень редко, и наблюдать за ним в такие моменты было интересно.

— Дейн Атрес, мой племянник.

— Не знала, что у вас есть братья.

Насколько Кейн слышала, Алан Атрес был единственным наследником своего отца.

— Двоюродный, — коротко ответил он. — Идемте.

Он направился к неприметной двери в конце грузового отсека, и Кейн последовала за ним.

— Он очень старается, — заметила она словно между прочим, и Атрес в ответ едва заметно скривился будто от зубной боли.

— У него ветер в голове.

За дверью оказался небольшой кабинет, почти каморка. Он едва вмещал в себя стол, заваленный картами, два кресла и небольшой секретер.

Атрес прошел к столу, сел за него, на удивление не задев ни одного документа, и кивнул на кресло напротив:

— Садитесь.

Кресло — массивное и обитое скрипучей темной кожей оказалось довольно неудобным.

— Как только я перепроверю курс и получу разрешение от главного причала «Трели», мы отправимся в Цитадель, — сказал Атрес. — Я отпустил экипаж в оплачиваемый отпуск, и сейчас на борту помимо нас только Дейн и главный механик. Для перелета этого достаточно, но «Сильверна» будет медленнее обычного.

Кейн понимала, почему он отпустил команду. И все же путешествие без нужного количества людей само по себе означало риск.

— Этого будет достаточно?

— Для перелета до Цитадели — да.

— Вы схематик, Алан. Если об этом узнают члены вашей команды, они могут выдать нас властям. Вы поступили правильно.

Кейн не пыталась его утешить, она просто озвучила то, о чем Атрес, наверняка, знал и так, и все же в ответ на ее слова он едва заметно усмехнулся:

— Вы так жалеете мое самолюбие? — возможно, мысль об этом казалась ему забавной.

— Можно сказать и так. Ваше самолюбие дорого мне как память, — в тон ему отозвалась Кейн. — На самом деле я просто доверяю вам в том, что касается дирижаблей. Если вы уверены,

что трех человек для управления кораблем достаточно, чтобы пройти Грандвейв, значит, вы правы.

Путешествие в Древнем Городе было намного опаснее всего, что ждало их в небе. Кейн не видела смысла просчитывать риск, потому что все равно не могла этого сделать.

— Вы настолько верите мне? — спросил Атрес.

— Вы же поверили мне раньше. Я просто надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Если нет?

— Тогда я предпочту об этом не знать.

— Вы самоубийца, — неодобрительно сказал он, и это заставило Кейн рассмеяться:

— Вы знали об этом и раньше, Алан. И пока я не хочу думать о Грандвейв. У нас есть дела в Цитадели.

Прежде чем пытаться пройти Грандвейв, Кейн нужно было узнать точные координаты точки расщепления, собрать необходимые инструменты и информацию, и продлить отпуск в Университете. Первое было сложнее всего.

Кейн могла добиться доступа в закрытую секцию Государственной Библиотеки, в которой содержались карты узлов Земли, но это требовало времени.

У нее был и альтернативный вариант.

Намного быстрее, но намного болезненнее.

— Сколько времени вам потребуется? — спросил Атрес.

Сколько вы можете мне дать? — хотела спросить у него в ответ Кейн. — Как далеко в вас пророс медиатор? Как долго вы сможете..?

Но эти вопросы не имели никакого смысла. Неважно, как далеко зашел процесс, ни она, ни Атрес теперь не отказались бы от попытки расщепления. Каждый по собственным причинам, но в этом они были похожи.

Тем не менее, вопрос, который она задала, с логической точки зрения вообще не имел никакого смысла:

— Это больно?

Она не так много знала о схематиках, и вот уже два с половиной года изо всех сил старалась не узнать больше.

Должно быть, Атреса удивил ее вопрос, и все же он ответил сразу, не пытаясь подбирать слова:

— Как будто от меня отрезают части под наркозом. Я не чувствую боли, но осознаю, что теряю что-то важное.

Кейн не смогла бы в тот момент смотреть ему в глаза и намерено перевела взгляд на окно в боковой стене. За плотным стеклом медленно плыли по небу облака.

— Мне не следовало спрашивать. Наверное, я

не хотела этого знать.

— Ваша жалость бессмысленна и никому не нужна, — Кейн не видела его лица, но говорил Атрес как обычно, совершенно бесстрастно, очень ровно.

— Что, если это не жалость? Что, если это чувство вины? — дальнейшее облако чем-то походило на кита в небе. Смотреть на него было намного проще, чем на Атреса.

— Тогда это бессмысленно вдвойне. Вы не виноваты в том, что произошло со мной.

Его голос, взвешенный, спокойный немного напоминал Кейн голос судьи.

— С вами — нет, — согласилась она и только тогда посмотрела Атресу в глаза. Действительно, как два дула. — Хотите, я исповедаюсь вам, Алан?

— Нет.

— Можете считать меня взбалмошной, но я все равно это сделаю.

— Я и без того так считаю, — сухо заметил он.

Странно было ловить себя на мысли, что ей не все равно. Что мнение Атреса, человека, которого она встретила совсем недавно, имело для Кейн значение. Ей действительно не хотелось его разочаровывать.

Увы, люди не всегда получают то, что им хочется.

— Знаете, Алан, вы не первый схематик, которого я встретила. Несколько лет назад был еще один человек.

Он никак не отреагировал на ее слова, его выражение лица не изменилось, и Атрес не казался напряженным.

— Несколько лет назад ко мне обратился Вольфган Хаузер. Возможно, вы слышали о нем.

Тогда Хаузер был действительно известен.

— Нет, — равнодушно сказал Атрес. Его сцепленные в замок руки покоились на столе, поверх одной из небесных карт, и все вместе наводило на мысли о каком-то странном собеседовании.

— Хаузер был основателем и владельцем «Золотого Колеса», самого известного цирка в Цитадели и ее окрестностях. Он так же был дрессировщиком, довольно успешным.

— Он использовал медиатор?

— Для контроля над животными? Нет, конечно. Спирит не способен на подобное. Но у него был медиатор иллюзий — Арлекин. Хаузер использовал его в программах. Знаете, — сказала она. — Я как-то видела одно его представление. Оно было по-настоящему волшебным.

— Не отвлекайтесь, — Атрес неподвижно сидел напротив, и его интересовали только факты.

— Хаузер был схематиком на самой

начальной стадии, — продолжила Кейн, вспоминая ту далекую встречу. Детали стерлись, но какие-то вещи все еще снились ей по ночам: тесная, обклеенная афишами примерка, букеты цветов и их душный запах и Хаузер, еще не успевший до конца оттереть грим. — Он не знал, что с ним происходит. Он просто думал, что его медиатор начал барахлить. Иначе он никогда не рискнул бы обратиться к мастresse.

Кейн помнила тот самый первый момент, когда взяла в руки Арлекина. Первые секунды непонимания — что это за схема? Почему она так странно звучит? Почему она связана с Хаузером? — а потом шок при мысли о том, что этот человек — мужчина лет сорока, устало и с любопытством смотрящий на нее, ожидая, что она скажет — обречен.

— Вы объяснили ему?

— Не сразу, — призналась Кейн. — Сначала я сказала, что мне нужно все проверить.

— Вы уже знали правду?

— Да. В тот момент я уже знала. Я просто не представляла, как сказать человеку, что для него все кончено.

Может быть, Атрес считал это странным. Может быть, он думал, что Кейн на самом деле все равно.

— Это естественно, — бесстрастно заметил

он. — Продолжайте.

— По закону я обязана была выдать Хаузера властям, но я этого не сделала. Это ничем мне не угрожало. Его превращение еще только началось, и оно шло довольно медленно. Медленнее, чем у любого схематика, про которого я читала потом.

— Но, в конце концов, вы сказали ему правду, — Атрес не спрашивал, он утверждал, и он был прав.

— Да. Я обещала ему, что никому не выдам его. Мне хотелось дать Хаузеру хотя бы немного времени, пока процесс не зашел слишком далеко. Вы думаете, я лицемерка?

— Нет.

— А я иногда думаю, — Кейн усмехнулась и добавила. — Но вас вряд ли интересуют мои переживания.

— Продолжайте.

— Я не стала давать ему надежды и рассказывать про метод расщепления. Он узнал о нем сам, и снова пришел ко мне через два месяца. Хаузер... знаете, он действительно очень хотел жить. Он предлагал мне деньги, он умолял о помощи, он даже пытался угрожать, но... на самом деле, он был хорошим человеком. Я все равно ему отказала.

Ей иногда это снилось: Хаузер у нее в кабинете, на коленях со склоненной головой.

«Пожалуйста, если не ради меня, то ради моей дочери. Пожалуйста, я найду деньги».

— Все хотят жить. Зачем вы мне об этом рассказываете?

— Это может касаться вас, — ответила Кейн, заставляя себя внутренне встряхнуться. — У Хаузера была дочь. Эрика. Тогда ей было шестнадцать. Она действительно очень любила отца.

Эрика приходила к Кейн тоже — упрямая, светловолосая девчонка, которая казалась младше своих лет.

Эрика. Взбалмошная Эрика, которая просто не умела отступать.

— Когда я отказала им в помощи, она пошла учиться на мастрессу. Обычно обучение занимает от семи до двенадцати лет, в зависимости от способностей ученика, но Эрика, как вы понимаете, очень торопилась. Она выбрала самый простой для освоения архетип — Мираж. И попала в мою группу. У Эрики действительно был талант.

Атрес слушал, не перебивая, и Кейн решила пояснить:

— Люди выбирают Мираж по разным причинам. Потому что он легче остальных, или просто он им нравится. Это редкость, чтобы к архетипу была настоящая глубинная предрасположенность.

У самой Кейн было не так. Двенадцать лет назад, когда она сама поступала в Университет, у нее был выбор из трех равно доступных ей архетипов, и она просто выбрала тот, который проще. Тогда спирит был для нее скорее возможностью сбежать от семьи и от статуса, а не истинным увлечением.

— Я ни разу не видела, чтобы кто-то осваивал программу с такой скоростью. У Эрики был настоящий дар и настоящая цель, ради которой она готова была на все. Эрика отличалась от остальных девочек в своей группе. Вообще от всех, кого я знаю.

— Но она не стала мастрессой, — спокойно сказал Атрес, словно точно это знал. С другой стороны, если он искал мастрессу, скорее всего ему действительно были известны все, кто получил это звание.

— Обучение проходит в два этапа, — ответила ему Кейн. — Титул мастрессы подразумевает не просто овладение архетипом, а умение управлять спиритом через архетип. Архетип в данном случае носит характер проводника. Он пласт, который отделяет человека от изначального спирита, спирита в его чистом виде. Быть мастрессой означает уметь управлять изначальным спиритом, воплощать его в материальном мире в виде энергии. Эрика очень быстро освоила Мираж,

но у этого была и обратная сторона. Нулевой Архетип — изначальный спирит — лежит под Миражом, — Кейн было сложно подбирать слова, чтобы описать то, что можно было только увидеть лично, но она надеялась, что Атрес поймет. — Чем глубже связь с Миражом, тем сложнее пройти его насквозь до Нулевого Архетипа.

— Она не успела вовремя?

— Нет. Все не настолько просто, — Кейн искала слова, чтобы объяснить. — Нулевой Архетип — это дверь, в которую можно или пройти с первого раза, или она закроется навсегда. Обычно подобное не представляет проблем, потому что есть способ определить готовность ученика. Этот этап проходят все, кто соблюдает методику обучения, потому что выходят на него уже тогда, когда готовы. Но на эту готовность уходят годы.

— Должно быть, Эрика Хаузер не хотела ждать.

— Нет. Она решила пойти на риск, и попросила меня помочь. Для прохождения последнего этапа нужно разрешение преподавателя — пропуск в комнату для испытания, подтверждение готовности и еще несколько документов. Я предупреждала ее, что это риск.

Но Эрике с самого начала было плевать на риск. Она действительно оказалась очень талантлива, настолько талантлива, что, наверное,

считала себя неуязвимой.

— Знаете, Алан, я действительно верила, что у нее все получится. Ей все давалось так легко.

— Типичная ошибка, — сказал он бесстрастно, и Кейн невесело улыбнулась ему в ответ:

— Теперь, похоже, вы жалеете меня. И вы правы, это действительно оказалась ошибкой. Нулевой архетип вышел из под контроля, Эрика не сумела его стабилизировать и пострадала. Она попала в больницу с серьезными ожогами и так и не стала мастрессой. Ее отец превратился в схему и умер, и я думаю, что Вольфган Хаузер ненавидел меня до самой своей смерти. Вот такая вот исповедь. Как вам?

— Долгая, — спокойно заметил он. — Зачем вы мне рассказали?

— Вы не верите, что мне просто захотелось поделиться? — спросила Кейн.

— Не верю.

— Вы правы. Я вот уже несколько лет стараюсь не вспоминать. Но эта история может касаться и вас тоже. Эрика знает координаты точки расщепления. Я могу выяснить их сама, но это займет время. Или обратиться к ней. Эрика ненавидит меня, но, думаю, вам она не откажет.

Это было рискованно, Атрес понимал, и потому спросил:

— Думаете, она не выдаст нас?

— Она могла бы выдать меня, но я не верю, что Эрика способна причинить вред схематику. В любом случае, выбор за вами. Если вы согласитесь, вам придется пойти к ней со мной.

Он задумчиво побарабанил пальцами по карте, как раз по тому участку, на котором была изображена Цитадель, и сказал:

— Хорошо. Если вы готовы рискнуть, мы рискнем.

* * *

«Сильверна» прибыла в порт Цитадели через пять часов после того, как покинула причал «Трели», и за это время Кейн и Атрес успели обсудить детали путешествия через Грандвейв. Большую часть того, что могло им понадобиться, Атрес собрал еще до встречи с Кейн, остальное — несколько полезных защитных медиаторов — легко могла достать она сама.

Они с Атресом договорились встретиться через два дня — этого времени Кейн должно было хватить, чтобы закончить неотложные дела в Университете и собрать вещи.

Кейн вышла в порту Цитадели ближе к обеду того же дня, и Атрес проводил ее до входа в аэровокзал. Он снова нес ее саквояж — Дейн,

вероятно, был занят, потому что после той первой встречи Кейн его больше не видела. Вокруг кипела разношерстная толпа, как раз заканчивалась посадка на огромный пассажирский дирижабль до Траста, и в ярком свете солнца каменные плиты причала казались почти белыми. Гомонили люди вокруг, носились по площадке дети, какая-то женщина с собачкой на руках спешила успеть на посадку, на ходу вытаскивая билеты из изящной красной сумочки.

Никто не обращал на Кейн с Атресом внимания.

— Я напишу Эрике с просьбой о встрече, — сказала она, останавливаясь у стеклянных дверей вокзала. Больше всего здание напоминало оранжерею с его стеклянными стенами и причудливым железным каркасом.

— Если необходимо, я могу проводить вас до экипажа, — невпопад ответил он.

— Не нужно, Алан. Здесь совсем недалеко. Мне даже не потребуется носильщик, — Кейн неожиданно поймала себя на мысли, что впервые будет с ним прощаться. До того, на «Трели» у них не было повода, они в любой момент в течение дня могли пересечься снова. — Я буду ждать вас через два дня.

Она сделала шаг к дверям и заметила, как он напрягся.

Атрес ничего не сказал, и все же ей пришло в голову, как, должно быть, тяжело отпускать человека, от которого зависит твоя жизнь.

— Вы можете не волноваться, я не сбегу, — сказала Кейн, улыбнувшись. — Вы нужны мне не меньше, чем я вам.

— Я помню, и меня волнует другое, — Атрес заложил руки за спину. — Будьте осторожны. Стерлинг, возможно, уже знает о контракте. Если это так, ваша жизнь может быть в опасности.

Он на самом деле вовсе не казался обеспокоенным, и Кейн сказала ему:

— Я не думаю, что Стерлинг рискнет действовать в городе. Но вы все-таки берегите и себя тоже. Если случится что-то необычное, постарайтесь связаться со мной.

— Согласен, — он коротко поклонился ей и пошел прочь по направлению к «Сильверне». Кейн смотрела ему вслед и думала о том, что попрощаться, как и поздороваться, у них так толком и не получилось.

* * *

Цитадель была одним из немногих оставшихся городов, построенных на поверхности Земли. Врезанная в скалу, монументальная и массивная, со стороны она казалась холодной. Из

небесного каноэ даже вечером ее улочки напоминали каменный муравейник. Спирит-фонари освещали дороги, тени от воздушных экипажей скользили по мостовой.

«Золотое Колесо» было видно издалека. Переливающееся разноцветными огнями, аляповатое и немного нелепое, оно невольно притягивало взгляд. Цирк располагался на самой окраине города, неподалеку от северной стены.

Каноэ плыло по воздуху неспешно, движение едва ощущалось, и Кейн смотрела вниз, на вечерние улицы, и чувствовала, что боится — не отказа и даже не ненависти к себе, просто самой встречи.

Атрес сидел рядом совершенно неподвижно и казался застывшим изваянием.

В чем ваш секрет? — хотелось спросить Кейн. — Как вам удастся сохранять спокойствие?

Возможно, он просто не умел бояться.

Полет занял у них около получаса, и лодочнику пришлось опустить каноэ к самому нижнему ярусу — представление еще не закончилось, и гостевой причал был полностью занят.

Атрес расплатился за поездку и подал Кейн руку, помогая спуститься на мостовую у входа. Ей пришлось придержать юбку, чтобы не зацепиться за витой декор бортика.

На таком расстоянии от входа можно было

расслышать льющуюся изнутри музыку, аплодисменты зрителей — должно быть, только что закончился один из номеров. Пахло сладкой ватой, жареной картошкой и машинным маслом. Рядом, на аккуратной изящной табличке висела афиша. «Видения Королевы Иллюзий», — гласила она, и с нее всем проходящим мимо улыбалась Эрика.

Кейн с Атресом обошли здание с торца и остановились у служебного хода. Дверь была невзрачная и неприметная, с небольшим аккуратным замком и потемневшей от времени латунной ручкой.

Звонок тоже был старый — простая медная кнопка, и, когда Кейн нажала на нее, где-то внутри раздался мелодичный перезвон.

Оказывается, она все это время помнила этот звонок.

Им пришлось ждать на улице около пяти минут, прежде чем дверь открыл высокий мужчина с непропорционально маленькой головой.

— Добрый день, Хоуз, — Кейн поклонилась на университетский манер и добавила: — Мне хотелось бы встретиться с Эрикой.

Хоуз окинул их с Атресом неприветливым взглядом и посторонился:

— Госпожа Эрика сейчас на представлении.

— Мы подождем, — сказала Кейн. Коридор, в котором они оказались, был узким, плохо

освещенным, и массивные стены старого здания почти ощутимо давили.

В ответ на просьбу Кейн о встрече Эрика ответила одним-единственным «Приезжайте».

Кейн не ждала, что встреча выйдет легкой, но и не видела смысла загадывать заранее.

— За мной.

Хоуз провел их по коридору до винтовой лестницы и начал спускаться вниз. Света на лестнице не было, и небольшой спирит-фонарь, который Хоуз принес с собой, отбрасывал по сторонам странные тени.

Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось. Штукатурка стен сменилась на необработанную горную породу, и Кейн почти не удивилась, когда они остановились перед массивными двойными дверьми. Тяжелое темное дерево, обитое железом, кое-где едва заметно переливалось линиями спирита, в него была встроена схема. Что-то защитное, насколько могла судить Кейн.

Она ни разу не была там, но все же без труда определила, почему Эрика распорядилась привести их с Атросом именно сюда.

Хоуз повозился с массивным железным замком, прежде чем двери поддались, и Кейн заглянула внутрь.

За дверью оказалось просторное помещение,

гулкое и почти полностью пустое. У дальней стены, полускрытая ширмой, стояла кровать, ближе к выходу расположились стол и два кресла. Света не хватало, чтобы рассмотреть помещение целиком, но Кейн и не нужно было этого делать.

Она знала, куда их привели.

Они с Атресом оказались в комнате, в которой Вольфган Хаузер, отец Эрики, провел свои последние месяцы.

— Садитесь, — неприязненно сказал им Хоуз и ушел, закрыв за собой дверь.

— Он не любит вас, — невозмутимо заметил Атрес, остановившись возле письменного стола.

— Никто здесь не любит меня, — ответила ему Кейн, занимая одно из кресел. — Мое решение обрекло Хаузера на медленное угасание в этой комнате. Такие вещи не располагают к любви.

— Не худшее, что вы могли бы сделать, — сухо заметил Атрес. Он наклонился над столом совершенно обыденно, явно не испытывая неловкости от того, что находился в комнате мертвого человека. — Думаете, Эрика Хаузер намеренно заставляет нас ждать?

— Я не знаю.

Кейн помнила Эрику разной — порывистой и упрямой, в отчаянии умоляющей спасти отца, собранной и сосредоточенной в Университете. И она помнила ее на полу в зале испытаний —

скорчившуюся от боли фигуру в простом красном платье ученицы, белокурые локоны на грубом массивном камне пола, извивающиеся образы Миража вокруг — темные, страшные.

До того случая Эрика была удивительно красивой девушкой. Потом Кейн видела ее в больничной палате, все еще бессознательную, укутанную дымом образов и видений. Часть лица Эрики и правая рука были изуродованы ожогами. Эрика лежала неподвижно, пронзительно бледная на фоне застиранной больничной простыни, и казалась сломанной куклой.

— Мы не виделись долгое время. Сейчас она может быть совсем не такой, какой я ее помню.

Хотя прежняя Эрика, наверное, действительно заставила бы их с Атресом ждать.

— Вы даже не представляете, насколько, мастресса Анна, — голос за спиной заставил Кейн вздрогнуть.

Она не почувствовала ничего — дверь не скрипнула, открываясь, никто не заходил в комнату, разве что ей почудилось присутствие постороннего спирита, но оно едва читалось на фоне схемы на двери.

Голос был странным, нечеловеческим, он расслаивался на детский и взрослых, на голос мужчины и женщины, как будто одновременно слова произносило несколько человек.

Кейн обернулась.

Женская фигура — полупрозрачный силуэт, словно туманом укутанный образами Миража — стояла в дверях.

— Что вы так смотрите? — Эрика говорила, и постепенно ее голос становился нормальнее, был все ближе к тому, как она говорила в Университете. — Не ожидали?

Образы текли вокруг — странные, полуразличимые тени — вереница птиц, волна, тени деревьев извивались, сливаясь один с другим, словно стремились прочь от Эрики. В просветах все больше угадывалось настоящее — фрагмент платья, рука, затянута в кружевную перчатку. Должно быть, Эрика пришла сразу с представления. Или же она теперь всегда одевалась так.

— Помните, на занятиях вы говорили нам, что невозможно жить в Мираже, — спирт стекал с нее, собирался клубами у ног, вился кольцами вокруг головы. — Вы были неправы. Знаете, я теперь даже сплю с точкой смещения под подушкой.

Спирит вокруг лежал слоями, и Кейн не понимала, как могла не почувствовать его раньше. Под одним образом скрывался другой. Звуки и запахи, картинки и даже фантомные ощущения — холод, тепло, прикосновение чешуи.

— Здорово, правда, мастресса Анна? Я теперь настоящая королева иллюзий. Зрители в восторге.

— Спасибо, что согласилась встретиться с нами, — сказала Кейн, потому что больше ей нечего было на это ответить.

Эрика выглядела младше, чем в Университете, и она была прекрасна. Ее кожа светилась, золотистые волосы, собранные в два длинных хвоста, сияли. Она вся казалась изумительной, нереальной картиной, укутанной клубами Миража. Она и была картиной — от причудливого черно-красного корсажа до пышной юбки, от маленькой, почти игрушечной шляпки на голове до изящной вуали. Она была образом внутри образа. Настоящая Эрика — изуродованная девочка, которую Кейн видела на больничной койке — пряталась где-то внутри, и почему-то у Кейн это вызывало чувство острого сожаления.

— Не стоит, мастресса Анна. Конечно, я согласилась встретиться с вами. Вам что-то нужно, иначе бы вы не пришли. Вам что-то очень нужно, настолько, что вы готовы просить, может быть, даже умолять. Знаете, сколько я мечтала, что вы придете меня умолять?

На секунду, всего на мгновение под ее совершенным лицом проступило настоящее — фрагмент ожога, как набежавшая на лицо тень.

— Я, мастресса Анна, ждала, что вы придете. Я почему-то верила, что это рано или поздно случится. И вот вы здесь, даже не одна. Кого вы

привели с собой?

— Алан Атрес, — представился он, прежде чем Кейн успела ответить. — Мне нужны координаты точки расщепления.

На секунду в образах, окружавших Эрику, мелькнуло лицо. Кейн показалось, что она узнала Вольфгана Хаузера. Оно появилось и пропало, а Эрика рассмеялась:

— Да. Я могла ожидать чего угодно, но только не этого. А ведь я заранее решила вам отказать. Правда, тогда я еще не знала, о чем вы попросите.

— Именно поэтому я привела Алана. Координаты нужны ему. Он схематик.

На миг, так быстро, что Кейн едва успела это увидеть, Эрика потеряла контроль над Миражом — тени брызнули от нее в стороны, пятнами легли на стены, словно пытаясь их сожрать, а потом вернулись в привычный, клубящийся поток.

— Да, — задумчиво, словно самой себе, сказала Эрика. — Я могла ожидать от вас чего угодно. Но не этого.

— Вы не откажете нам, — убежденно ответила ей Кейн. — Вы могли бы отказать мне, но не Алану.

Жестоко было использовать Эрику так, но Кейн уже давно не питала иллюзий — между ними уже ничего нельзя было исправить.

— Я вас ненавижу, мастресса Анна, —

равнодушно, почти буднично сказала ей Эрика. — Вы знаете, и потому не бойтесь, что я возненавижу вас сильнее. Алан, верно? — она повернулась к Атресу, и образы потекли к нему волной, полупрозрачными руками из тени, крыльями черных бабочек.

— Предпочту по фамилии, — ответил он, и Кейн в который раз удивилась тому, как легко ему удавалось сохранять спокойствие.

— А вы смелый человек, — Эрика рассмеялась снова, и в ее голос вплеся перезвон колокольчика и грохот падающих книг. — Папа тоже был смелым, пока не понял, что его ждет.

— Мне просто не свойственно впадать в панику, — Атрес ответил, словно не было вокруг ни беснующегося потока Миража, ни полупрозрачных рук, что извивались совсем рядом с его лицом.

— Даже если того требуют обстоятельства? — кривая улыбка расколола лицо Эрики пополам, превратила в уродливую маску — страшную и пронзительно настоящую.

— Не бывает таких обстоятельств, — сказал Атрес с той безусловной уверенностью, которая всегда так подкупала в нем Кейн. Для него не существовало оттенков и полутонов, он не сомневался и не переживал. Он просто действовал, если мог действовать, или искал способ

действовать, если не мог.

Для них с Эрикой он был как скальпель — как острый и совершенный в своей простоте инструмент, равнодушный и к их проблемам, и к миражам.

— Наверное, вам очень легко жить, я вам почти завидую, — призналась Эрика. — Значит, хотите, чтобы я дала вам координаты?

— Да.

— А если не дам, вы, мастресса Кейн, все равно сможете их достать. Вот только успеете ли вы вовремя, — она говорила, а образы вокруг нее затухали, растворялись в воздухе, и в конце-концов осталась только изуродованная девушка с двумя детскими хвостиками. Кружевные перчатки, маленькая шляпка, ожог на щеке.

Кейн иногда думала, что стало с Эрикой после того неудачного испытания, и теперь чувствовала только грусть, что все сложилось именно так.

— Этот человек, наверное, вам очень дорог, мастресса Анна. Настолько, что вы даже пришли ко мне, — настоящий голос Эрики звучал тихо и невыразительно. — Я помню, как сама приходила к вам. Папа был мне очень дорог. Вам очень нужны эти координаты.

«Мне жаль, что так получилось с твоим отцом», — хотела бы сказать ей Кейн, но от этого никому не стало бы легче.

— Да, мне очень нужны эти координаты.

— Тогда умоляйте, — Эрика предложила это походя, совершенно будничным тоном, как будто просто называла цену. — Валяйтесь у меня в ногах, вытирайте волосами пол и умоляйте. Так делают люди, когда им отчаянно что-то нужно. Я так делала, помните?

Да, Кейн помнила.

Она встала с кресла, опустилась на колени на пол, опустила голову вниз, чтобы скрыть лицо. Это оказалось неожиданно несложно, да и почему должно было быть иначе? Для нее все было не так, как для Эрики. Не было за этим ни искренности, ни мольбы.

Просто имитация.

Тогда давно Эрика умоляла, потому что действительно любила своего отца. Кейн делала это, чтобы получить желаемое.

Когда она была маленькой, гувернантка в наказание иногда ставила ее на коленях в угол. Рассыпала там крупные бусины, чтобы стоять было больно — обычное наказание для девочек из высшего круга — и оставляла так на полчаса. Кейн никогда не спорила, не пыталась избежать наказания и никогда не отступалась от того, что задумала.

С тех пор ничего не изменилось.

— Я умоляю, дайте нам координаты точки

расщепления. От этого зависит жизнь дорогого мне человека, — собственные слова казались ей ненастоящими, цитатой из книги. Наверное, по-настоящему отчаявшиеся люди умоляли иначе.

— Не верю, — сказала ей Эрика. — Я смотрю на вас, мастресса Анна, и не верю. Я бы вытерла о вас ноги, но мне даже этого не хочется. Я...

— Хватит, — голос Атреса, спокойный и равнодушный, прозвучал неожиданно четко, будто выстрел. — Поднимайтесь, Кейн. Этот фарс пора заканчивать.

Кейн осталась на месте:

— От этого может зависеть ваша жизнь, Алан. И мне... — не трудно. Ей действительно было не трудно.

— В конечном счете, это бессмысленно, — ответил он и положил ей руку на плечо. Его пальцы сжались до боли, будто стальные. Атрес не спрашивал, хочет Кейн подняться или даже собирается ли это делать. При необходимости он заставил бы ее встать сам. — Вы, — обратился он к Эрике, — или согласитесь дать координаты. Или нет. В любом случае, ваш отец не оживет.

Эрика смотрела на него, ничего не говоря, и казалась застывшей:

— А вы не боитесь делать другим больно, — сказала она наконец. — Я не дам вам координаты. Я просто не смогу жить с собой, если соглашусь так

просто. Даже если вы схематик. Даже если вы обречены, как папа. А если и соглашусь, буду ненавидеть вас за то, что вас спасли, а его нет.

Кейн поднялась. Вставать оказалось тяжелее, чем опускаться.

— Думаешь, Вольфган Хаузер хотел бы для тебя этого?

— Разумеется, нет. Но он мертв, кого это теперь волнует? Я не дам вам координаты, — повторила она, словно для себя, и мираж снова укрыл ее будто волной: клубящимися образами, совершенной картинкой красивой Эрики. — Я не дам вам координаты, но могу отправиться с вами.

Тени извивались у них под ногами, свивались кольцами, как змеи, и распускались цветами, словно красота и уродство в Эрике боролись друг с другом.

— Мне плевать на вас, мастресса Анна. И на этого вашего дорогого человека тоже плевать, — добавила Эрика, и ее совершенное лицо странно скривилось, будто она вот-вот могла расплакаться. — Мне только нужно самой увидеть, что точка расщепления сработает. Что есть способ спасти схематика, и что он всегда был. Ради этого, да, ради этого, я отведу вас к узлу Земли.

Глава 3

Церковь Солнца располагалась в западной части Цитадели почти у самого обрыва, в неблагоприятных окраинных районах. Крохотные хлипкие домики громоздились там один над другим, неуловимо напоминая строительные леса, стремились занять каждый сантиметр пространства. Бедные и живучие, как крысы, их обитатели были им под стать — грязные оборванцы с запавшими голодными глазами и обязательным ножом за пазухой. Те, что побогаче, могли позволить себе прорубить жилище в скалах, по которым Цитадель расплзалась как зараза; остальные ютились где придется.

Стерлинг ненавидел трущобы. Ненавидел готовые вот-вот развалиться домишки, белье на веревках, чумазую детвору и собак, копошащихся в мусоре. Он неизменно наблюдал их сверху, из своего воздушного экипажа — неприглядный человеческий муравейник, готовый пожирать сам себя, чтобы выжить. На такой высоте до него не долетали запахи, но Стерлинг представлял, как все оно должно было вонять. Это вызывало естественную брезгливость человека, который привык окружать себя красивыми вещами. Трущобы оскорбляли в нем эстета и вызывали острое чувство непонимания: зачем эти люди

продолжали существовать? Без надежды и смысла, как плесень, расплзающаяся на хлебе.

Тем не менее, Джеймс Стерлинг был в первую очередь деловым человеком. Он умел закрывать глаза на множество неприглядных деталей ради собственной выгоды.

Церковь находилась на верхнем ярусе трущоб, рядом с заброшенным небесным причалом. Когда-то, еще до Первой Катастрофы, там располагался главный аэровокзал Цитадели, но после пожара его закрыли.

Воздушный экипаж Стерлинга — черная с золотом небесная ладья — мягко опустился на небольшую площадку неподалеку от Церкви. Плиты площадки были потрескавшимися, кое-где все еще черными от копоти — даже за последующие годы дожди так и не смыли гарь до конца.

Вход в Церковь был вырублен в скале — массивный и неуместно помпезный на фоне обгорелых останков старого вокзала.

Стерлинг прилетел на закате, незадолго до вечерней службы.

Внутри, в главном зале, свет падал сквозь небольшие круглые окна под потолком, косыми лучами ложился на серые плиты пола. У дальней стены, возле алтаря с символом солнца, священник в красном зажигал свечи.

Стерлинг прошел по залу, с любопытством оглядываясь. Он поравнялся с чашей для пожертвований, положил в нее один золотой юнит. Монета звонко ударилась о медные стенки.

Священник обернулся, посмотрел на Стерлинга и продолжил зажигать свечи одну за другой.

— Добрый вечер, святой отец. Трудитесь в поте лица?

— Нужно все подготовить к вечерней службе, сын мой.

— Никогда не понимал этой манеры обращения, — добродушно сообщил ему Стерлинг. — Вы слишком молоды, чтобы и вправду быть моим отцом. Я грешен?

Священнику было лет сорок на вид, у него были светлые, по-военному коротко стриженные волосы, и цепкий взгляд человека, который умеет убивать и готов это делать за достойное вознаграждение. В подобном Стерлинг разбирался, даже если этого конкретного человека видел впервые.

— Определенно, сын мой, — спокойно ответил ему священник. — Вы грешны, не раскаиваетесь и попадете в ад на вечные муки.

Он сказал это так спокойно и уверенно, что Стерлинг рассмеялся:

— А вы не щадите чужое самолюбие. К своей

пастве так же обращаетесь?

— С ними я говорю о спасении, но вас вряд ли интересует спасение.

— Верно, — согласился Стерлинг. — Меня больше интересует... Механик, верно? Бог может мне помочь?

— Бог — нет, но исповедь может. Идемте.

Рядом с алтарем, в боковой стене обнаружился небольшой проход, который вел в смежный каменный зал. Окон в нем было меньше и света свечей не хватало, чтобы рассмотреть все в деталях.

У дальней стены располагались исповедальни.

— Удобно, — с улыбкой похвалил Стерлинг, оглядывая три закрытые, темные кабинки. — Если бы мне нужно было с кем-то встретиться без свидетелей, лучше места я бы не нашел.

Он был в этом месте впервые. Обычно он предпочитал обращаться к другим — проверенным — людям, но из-за показаний Кейн и пристального внимания жандармов это было неблагоразумно.

— Бог всегда смотрит за вами, сын мой. Не обольщайтесь.

— Это мало меня волнует, пока Бог не может дать показания в суде, — с улыбкой ответил ему Стерлинг.

Священник отвел его в боковую кабинку — тесную и отчетливо пахнувшую пылью — и сам

закрыл дверцу.

— Придется немного подождать, сын мой.

— Терпение — это добродетель, если не ошибаюсь?

— Верно.

— Тогда давайте не тратить ее напрасно.

Ждать пришлось довольно долго, но Стерлинг на самом деле не был против. У него было время подумать. Ситуация с «Трелью» становилась чем дальше, тем уродливее, начиная с аварии в центральном узле и заканчивая неприятным, хоть и не смертельным, вмешательством Анны Кейн.

Стерлингу она не нравилась, как ему вообще не нравились идеалисты, а красавица Анна, увы, еще и умела совмещать свой идеализм с совершенно практическим талантом находить сильных союзников. Вмешательство Атреса стало неприятной неожиданностью. Стерлинг опасался этого, но никогда не рассматривал такую вероятность всерьез. У компании «Скайлинг» определенно были возможности, чтобы спасти Линнел Райт и ее платформу, но не было повода.

У Атреса не было причин вмешиваться, и все же он вмешался. Стерлинг хотел бы знать, что именно Анна пообещала. Она определенно была красивой женщиной, но в подобную любовь с первого взгляда ему не верилось.

Тем не менее, контракт между управляющим

Линнел Райт и «Скайлинг» существовал, и его условия настораживали.

Что-то нужно было Атресу именно от Анны — от мастрессы, что он не мог получить официально. Что-то, для чего требовалось путешествие в Грандвейв, без сомнения, довольно опасное.

Кусочки, кусочки... они никак не складывались в цельную картину и не давали возможности действовать иначе, как грубой силой.

По-своему, это Стерлингу даже нравилось. Можно сколько угодно строить сложные схемы и планировать свои действия, но все это совершенно бесполезно и бессмысленно перед простым и безыскусным ударом в лицо. Или в спину.

Красавице Анне не следовало об этом забывать.

Стерлинг не желал ей зла. Он просто не любил, когда ущемляли его интересы. Анна Кейн сколько угодно могла считать себя благородной спасительницей. Стерлинг уже давно вышел из возраста, когда прилично играть в добро и зло. В конечном итоге все упиралось в цели и средства.

Каждый использовал те способы получить желаемое, что были ему доступны. Красавица Анна могла соврать следователю и подставить Стерлинга, и она это сделала, хотя прекрасно понимала, что он не имел никакого отношения к

аварии на «Трели».

Из-за этой маленькой, но совсем не безобидной лжи многие вещи стали сложнее.

Например, найти тех, кто не чурался грязной и опасной работы. Вопреки тому, что о нем думали, Стерлинг редко использовал незаконные методы. Это всегда было слишком хлопотно и, говоря откровенно, не обязательно. Очень мало какие проблемы не могли решить деньги и ложь — два кита, на которых стоял мир.

Он услышал шаги, звук открываемой двери — кто-то зашел в исповедальню с другой стороны — шорох одежды. Небольшое окошко в стенке, отделявшей ту сторону, было завешено черным кружевом, но какие-то детали Стерлинг все-таки увидел — слабое свечение спирита, очертания лица.

— Еще один грешник, да? — голос с той стороны был грубым, хриплым и, совершенно определенно, насмешливым.

— Всего лишь кто-то, нуждающийся в помощи, — в тон ему отозвался Стерлинг. — Я ищу человека, которого называют Механик. Может быть, вы мне поможете?

— Человека? — из-за перегородки донеслось недоверчивое хмыканье. — Не знаю такого.

Это интриговало. Стерлинг много слышал о нелегальных схематиках, которые приспособились выживать в преступном мире, но никогда не

встречал их лично.

— Какая жалость, а я не отказался бы дать ему денег. Кем бы он ни был.

— Что, много лишних денег?

— Скорее, много проблем, за решение которых грех не заплатить. Щедро заплатить, я не склонен жадничать.

— Что надо делать?

Это уже было ближе к деловому разговору.

Стерлинг всегда предпочитал деловые разговоры всем остальным.

— Есть два человека, которые отправляются в Грандвейв. Нужно, чтобы они не вернулись.

Из-за перегородки послышался недоверчивый смехок:

— То есть просто подождать?

— К сожалению, нет.

По слухам, корабль Атреса — «Сильверна» — мог путешествовать даже сквозь поток схем, как и любое разведывательное судно. По крайней мере, сквозь наименее плотные участки Грандвейв.

— За такую работу мало кто возьмется. Она требует удивительной храбрости и решительности, — добавил Стерлинг, улыбаясь, хотя собеседник не мог его видеть. — А за удивительную храбрость я готов платить удивительные деньги.

И, если верить слухам, Механик

действительно мог взяться за подобное задание.

Механик был лучшим, если дело касалось работы в Грандвейв.

— А ты действительно любишь слушать себя, да? — вопрос прозвучал грубовато, но беззлобно, и Стерлинг рассмеялся:

— Я компенсирую этот недостаток своими достоинствами. Толстым кошельком, например.

— Очень толстый, наверное, кошелек, — Механик за перегородкой пошевелился, и сквозь крохотное окошко снова сверкнуло сияние спирита.

— Весьма. Хотите послушать еще?

Несмотря на легкомысленный тон, Стерлинг понимал, что после этого вопроса все решится.

— Все, что мне надо услышать — это кого, как и сколько.

* * *

Когда они вышли из цирка сквозь все ту же неприметную боковую дверь, вечер уже перешел в ночь. На пустых улицах тускло светились разноцветным спиритом вывески, и людей почти не было.

Кейн чувствовала себя совершенно разбитой. Ей казалось, она хорошо подготовилась к встрече с Эрикой, но она ошибалась.

— Я закурю, если вы не против, — сказал ей

Атрес, остановившись рядом.

— Не знала, что вы курите, — ответила она, чтобы что-то ответить.

— Редко, — он достал из внутреннего кармана простой серебряный портсигар, чиркнул спичкой. Крохотный огонек осветил его лицо, сделал тени глубже, почти чернильно-черными.

— Вам идет сигарета, — сказала Кейн. — Знаете, я всегда хотела попробовать. Поделитесь?

— Это вредно.

Было так нелепо, что Атрес сказал именно это, что Кейн против воли рассмеялась. Пожалуй, нервов в этом смехе было больше, чем настоящего веселья, и Атрес едва заметно поморщился.

Вероятно, Кейн его раздражала.

— Я знаю, Алан, — наконец, отсмеявшись, ответила она. — Вы поверите, если я скажу, что мне все равно?

— Да, — он протянул в ее сторону портсигар и спички.

Сигарета ощущалась в пальцах непривычно, казалась чужеродной. Дрожали пальцы, Кейн заметила это только теперь. Она завозилась, пытаясь сообразить в какой последовательности и как нужно прикуривать — сначала зажать сигарету губами и потом зажечь спичку или наоборот, куда убрать портсигар?

Атрес нахмурился, наблюдая за ней и, в конце

концов, просто протянул руку:

— Дайте сюда.

Он зажег спичку, поднес к кончику сигареты, и Кейн неловко затянулась, закашлявшись.

Дым обжег горло — горький и совершенно отвратительный, на глаза навернулись слезы.

— Вы в порядке? — равнодушно поинтересовался Атрес, и Кейн не знала, зачем он спрашивал, потому что в его вопросе не было ни сочувствия, ни искреннего интереса.

— Что вы сделаете, если нет? — откашлявшись, спросила она.

— Ничего. Я не умею утешать.

— Хорошо, что не умеете, — она попробовала сделать еще одну затяжку, и на сей раз, получилось намного лучше. Если она не глотала дым, от него почти не першило в горле. Хотя, кажется, так курить было неправильно. — Если бы вы начали меня утешать, я бы, наверное, расплакалась.

Она говорила шутливо, сама не веря, что могла бы так сорваться, и все же разговор с Эрикой задел ее больше, чем Кейн хотелось признавать.

— Плачьте, — спокойно разрешил Атрес, словно она его спрашивала. — Я не против.

Это было так нелепо, что почти смешно.

— Мы с вами отличная команда, Алан. Я не против, что вы курите, а вы не против, если я расплачусь.

— В данный момент вы тоже курите, — ответил он, стряхивая пепел с собственной сигареты на мостовую.

Кейн сделала еще одну неглубокую затяжку и устало потерла лицо. Ее ладони пахли дымом.

— Извините. Похоже, я сейчас совершенно не в форме. Знаете, я много раз представляла встречу с Эрикой, и я ни разу не представляла ничего подобного. Наверное, вы тоже.

Он бесстрастно пожал плечами:

— Я равнодушен к миражам и спецэффектам.

Это было очень на него похоже. Атрес нравился ей этим — какой-то удивительной черно-белой жесткостью. Иногда ей казалось, что он вовсе не способен был бояться:

— А я, как оказалось, нет.

— Я ожидал иного от мастрессы.

Он докурил, потушил окурок и выкинул его в урну неподалеку. Урна была в форме головы льва, медные клыки в пасти матово светились золотистым.

— Тогда вы плохо понимаете, что увидели, Алан. Эрика живет в состоянии Миража, а не переходит в него. Никогда не видела ничего подобного. Это... — она замолчала, пытаясь подыскать слова, — ...сказалось на ее сознании.

— Вы считаете, она опасна?

— Я не знаю. Я ничего о ней не знаю теперь.

Эрика ненормальна, но она почти мастресса. Ей доступен только Мираж, но для спирита схема, сделанная из Миража, так же эффективна, как и из Нулевого Архетипа, — Кейн сделала еще одну затяжку, пытаюсь подобрать слова, и продолжила. — Принимая Эрику на борт, вы рискуете, но в Древнем Городе она может быть сильнее меня.

— Вы хотели бы, чтобы она летела с нами, — Атрес утверждал вместо того, чтобы спрашивать. И он был прав.

— Для нее это важно, а я и без того отобрала у нее слишком многое.

— Путешествие опасно.

Его слова, безусловные и уверенные, заставили Кейн криво улыбнуться:

— Иногда, Алан, сидеть в безопасности и пытаться избежать вреда намного опаснее всего, что может встретиться вам на пути.

Он поморщился, словно от зубной боли:

— Вы выглядите нелепо, когда пытаетесь учить меня жизни.

— Правда? — сигарета, наконец, закончилась, и Кейн бросила окурочек в урну. — Извините, профессиональное. В конце концов, я действительно скучная преподавательница из Университета. А Эрике... Эрике это нужно, несмотря на опасность.

— Это вы скажете себе, если она не вернется? — равнодушно поинтересовался он.

— Не знаю, — пожала плечами Кейн. — Наверное, да. Я скажу, что ей это было нужно. И нам тоже. Эрика была права, мы не можем знать, сколько у вас времени. Я не хочу тратить его на поиски координат.

Атрес достал небольшой сигнальный медиатор, посветил в небо, чтобы вызвать небесный экипаж, и только после того ответил:

— Если она действительно приведет нас к правильным координатам.

— Эрика не сможет вернуться из Грандвейв без нас. И я не верю, что она готова покончить с собой.

— С собой — нет. С вами — возможно.

— Атрес, вы бы видели дверь в мою квартиру. Поверьте, если бы Эрика хотела от меня избавиться, есть и более простые способы.

— Люди не всегда руководствуются логикой.

Он был прав, разумеется, Кейн нечего было возразить ему в ответ, и все же она действительно не верила, что Эрика хотела бы ее убить.

Унизить — да, сделать больно — скорее всего, но не убить.

Наверное, просто убить для Эрики было бы слишком просто.

От этой мысли Кейн становилось не по себе.

— Что бы вы сделали на ее месте? — спросила она. — Если бы оказались в той же ситуации, что и Эрика.

— Если бы вы отказались спасти моего отца? — равнодушно спросил он, словно вопрос совсем не казался ему странным.

— Не можете представить? Вы ненавидели бы меня? Винили бы?

— Маловероятно.

Атрес выглядел абсолютно бесстрастно, и казалось абсурдным думать, что он вообще способен был на ненависть.

— Я иногда завидую вам, — призналась Кейн. — Смотрю на вас и думаю, что вы выше этого — страха, ненависти, вины, боли. Я бы так хотела.

— Я не имею привычки давать волю чувствам, — абсолютно спокойно ответил он. — Вам такое не подходит.

Пожалуй, он был прав. Кейн действительно хотела бы уметь жить как он — не сомневаясь и не рассуждая, не виня себя ни в чем. Но она не согласилась бы поменяться с ним местами.

— Поверьте, это не мешает мне завидовать.

Рядом с ними, наконец, опустилось воздушное каное, и Атрес первым поднялся наверх, подал ей руку. Кейн придержала юбку, чтобы не зацепиться за борт.

— Если вы хотите, мы можем поехать ко мне, обсудить, что потребуется сделать до отлета, — предложила Кейн, и это было странно — звать мужчину к себе ночью, и одновременно с тем знать, что Атрес поймет ее предложение правильно. Не увидит в нем двойного дна.

— Это может сказаться на вашей репутации, — равнодушно заметил он, не отказываясь и не давая согласия.

— Да, — согласилась она. — И на вашей. Но мне, если быть откровенной, все равно.

Атрес чуть склонил голову набок, рассматривая Кейн, словно она его заинтересовала.

— Не удивляйтесь, — улыбнулась Кейн. — Репутация для мастрессы не очень важна.

— Не буду. Назовите адрес.

Кейн жила в старом районе города, неподалеку от Университета. Ее квартира — вечно захламленная крохотная студия на чердаке старого здания — плохо подходила для гостей, но там они с Атресом могли поговорить, не боясь, что их услышат.

Путь до ее дома занял около получаса. Кейн обдумывала предстоящее путешествие и ловила себя на странной внутренней нестыковке. Она знала, что может не вернуться, и в то же время это ничего не значило. Ей не хотелось ничего завершать перед отлетом, не хотелось ни с кем

прощаться.

— Вы написали прощальные письма? — спросила она у Атреса, и только задав вопрос, поняла, насколько бестактным он оказался.

— Нет, — спокойно ответил он. — Собирался. Не придумал, что хочу сказать.

— Я тоже собиралась, — призналась Кейн. — И все же почему-то так и не села. У меня множество незавершенных дел, которые я могла бы успеть закончить, и я все их проигнорировала. Интересно, Вольфган Хаузер сожалел о том, чего не успел, — она представила, как это должно было звучать для него, и добавила. — Извините, что меня потянуло на размышления о смерти. Вы, наверное, не ожидали от меня подобного.

— Вы женщина. От женщин я привык ожидать чего угодно.

Атрес, вопреки тому, что он никогда не шутил, почему-то всегда мог заставить Кейн рассмеяться:

— Это очень в вашем стиле. Знаете, мне с вами хорошо, Алан. Напомните, я уже говорила об этом?

— Вы часто меня раздражаете. Я об этом уже говорил.

С ним было легко. Он не заставлял сердце Кейн биться быстрее, чувствовать неловкость и иррациональное счастье. Он просто нравился Кейн,

как человек, перед которым ничего не нужно было изображать или искать двойное дно в поступках.

Небесный экипаж плыл между домов, внизу под дном светили огни фонарей и спешили куда-то фигуры припозднившихся прохожих. Над головой светили звезды и вся обстановка — свежий ночной воздух, мягкое сияние улиц, и каменная громада Цитадели вокруг — была романтическая до отвращения, но абсолютно ничего не значила.

Вдалеке показалась треугольная крыша дома Кейн. Здание было старым, построенным почти сразу после Первой Катастрофы, и если бы не укрепляющие спирит-схемы в фундаменте, давно бы развалилось.

Экипаж причалил возле небольшого, украшенного декоративной решеткой балкона — нормального воздушного причала поблизости не было. Атрес выбрался первым и помог сойти Кейн. На балконе было мало места, и Кейн пришлось протискиваться вперед, чтобы открыть большое круглое окно. Когда дом строили, небесный транспорт еще не был распространен, и потому все основные выходы располагались внизу, на первом этаже. Первые несколько лет Кейн исправно ходила по лестницам, а потом обзавелась балконом вместо личного причала и приспособилась пользоваться окном — оно было большим, почти в рост человека.

Обычно замок заедал, и с ним приходилось

долго возиться, но на сей раз он открылся неожиданно легко, ключ провернулся дважды.

— У вас нет даже нормальной двери? — спросил Атрес.

— Есть, Алан. Я потом покажу вам ее как достопримечательность, — Кейн улыбнулась, толкнув окно вперед. Рама уперлась во что-то твердое, и это вызвало минутное непонимание. Кейн никогда не ставила мебель у окна, оно открывалось вовнутрь.

Впереди послышался шорох, мелькнул силуэт человека, и она невольно отпрянула назад, задев Атреса.

Потом в квартире что-то гроыхнуло, и послышался звон стекла.

Атрес бесцеремонно оттолкнул Кейн в сторону, рванулся вперед, следом.

В глубине хлопнула дверь, заставив Кейн вздрогнуть и, наконец, осознать — кто-то пробрался в ее квартиру. Воры или же хуже.

Найдя взглядом точку смещения, она осторожно шагнула внутрь.

В комнате царил разгром, ящики стола были выдернуты и перевернуты, одежда валялась на полу, между разбросанных тетрадей.

Картина казалась нелепой и нереальной.

Кейн выпустила Мираж наружу и замерла, не зная, что делать.

В голове не было ни одной схемы, пригодной, чтобы защищаться. Вообще ни одной полезной схемы.

Послышались шаги, и она напряглась, не зная, что делать дальше.

— Он ушел, — сказал Атрес, появляясь в проеме двери, и тяжело прислонился к косяку.

— Вы в порядке?

Он стоял, неестественно скособочившись, и зажимал рукой бок. В полумраке комнаты сложно было разглядеть детали, но Кейн показалось, что она заметила кровь.

— Царапина, — коротко отозвался он.

Почему вы не остановили время? — хотела спросить Кейн, и тут же поняла, насколько этот вопрос нелеп. Атрес сливался со своим медиатором, этот медиатор ни в коем случае нельзя было использовать. Наверное, Атрес даже на «Трели» пустил его в ход только под угрозой смерти.

— Вор был один? — она представила, что сейчас нападавший вернется с помощниками, и ей стало не по себе.

— Больше никого не видел, — Атрес встал ровнее, все еще не отрывая руки. — У вас есть аптечка?

— В ванной, — она, наконец, заставила себя сдвинуться с места и включить свет. После окружавшего полумрака он показался слишком

ярким, заставил зажмуриться.

Так погром в квартире выглядел еще уродливее: мебель была перевернута, матрас на кровати вспороли ножом, и из него будто изнутри торчали железные пружины. Кейн передернулась, пытаясь прогнать неприятные ассоциации. Ей не следовало поддаваться эмоциям.

В какой-то степени она привыкла к риску. Она работала с Миражом и Нулевым Архетипом, обезвреживала сложные неисправные схемы, летала в места спирит-аномалий, но то был риск, который Кейн понимала и к которому была готова.

Вор в квартире не мог прорасти в нее нитями спирита, не мог выжечь ее сознание изнутри. Он был обычным человеком, который пробрался в чужой дом и перевернул там все вверх дном. Раскидал бумаги. Разбил вазу, которую подарили на день рождения студентки.

Вспорол матрас.

Интересно, зачем было разрезать матрас?

— Мне нужна аптечка, — напомнил Атрес, и Кейн порадовалась, что он не стал ни спрашивать, в порядке ли она, ни жалеть ее. Так легче было держать себя в руках.

— Да, идемте.

Кейн не знала, уцелела ли аптечка, будет ли от нее хоть какой-то толк, но решила просто довериться Атресу. Он, скорее всего, понимал, что

делает.

На полу в крохотной ванной валялись осколки зеркала, Кейн успела поймать свое отражение в одном из них, шкафчик на стене оказался пуст. Выпотрошенная аптечка обнаружилась в углу под умывальником. Салфетки выпали и промокли, но бинты не пострадали, неподалеку валялся пузырек йода и таблетки от простуды.

— Извините, у меня почти ничего нет, — Кейн собрала то, что нашла, и продемонстрировала Атресу.

— Мне почти ничего не потребуется, — он неловко стянул сюртук и галстук, принялся расстегивать рубашку. Кейн захотелось отвернуться, чтобы не смущать его, но она решила, что это было бы глупо. — У вас есть швейные принадлежности?

Он снял рубашку, и Кейн обратила внимание на расцветившие кожу едва заметные спирт-линии — схема уже начала проникать в тело. Этих линий пока было немного, и располагались они поверх кожи, но само расположение оказалось неудачным. Чем глубже проникал спирт, тем меньше было шансов, что Атрес сможет пережить расщепление.

Он наверняка и сам это понимал, поэтому Кейн не стала ничего говорить.

Отчасти она даже радовалась, что можно было отвлечься от случившегося и снова начать думать,

как мастресса — о спирите, схемах и шансах на удачное расщепление.

— Вы сказали мне, что это просто царапина.

— Это царапина, которую нужно зашить. — Атрес продемонстрировал рану, и Кейн мысленно с ним согласилась. Порез выглядел не так уж и плохо. Когда Кейн приглашали экспертом к жертвам спирит-аварий, ей доводилось видеть и худшее.

Иголку с ниткой Кейн обычно носила с собой в сумочке, на всякий случай, и сейчас это пришлось очень кстати, потому что вряд ли бы их удалось найти в окружающем бардаке.

Атрес сел на бортик ванны, снова зажал рану ладонью — неглубокий порез, в котором проглядывала кость ребра — и молча следил за действиями Кейн, пока она подготавливала все необходимое.

— Вы не впадаете в истерику от вида крови, — сказал он. — Это хорошо.

— Я... — она замолчала, пытаясь подобрать слова, и закончила, неловко пожав плечами. — Можно сказать, что у меня крепкие нервы. Я все-таки мастресса.

— У всех мастресс крепкие нервы?

Наверное, он не верил ей.

— Один из документов, необходимых для поступления на факультет архетипа — справка о

посещении Тринадцатой больницы, — сказала она. — Знаете, что это за место?

Тринадцатая больница занималась исключительно пострадавшими от спирита, о чем Атрес не мог не знать.

— Да.

— Тогда вы и сами понимаете. Люди со слабыми нервами после того, что там видят, не идут учиться на мастресс.

Тогда после первого посещения Кейн стошнило, и она на год отказалась от Университета. Еще несколько месяцев ей снились изувеченные тела, ожоги и безвольные, бессознательные люди в белых, пропахших лекарствами палатах.

Но в конечном итоге нежелание зависеть от семьи, быть приложением к собственному статусу, все же победило.

Во второй раз в Тринадцатой больнице оказалось проще.

— Это так интересно? — спросил Атрес и пояснил: — Изучать спирит.

— Да, — просто ответила Кейн, отвернувшись от него, чтобы помыть руки. — Знаете, тогда я даже не думала, что так увлекусь. Мне просто нужно было сменить обстановку. Я не понимала, что такое Мираж. Для меня не было это важно, меня волновал только мой собственный маленький мирок и возможность не пускать в него посторонних. А

потом оказалось, что снаружи, за его границами, еще много всего.

Атрес сел ровнее и убрал руку от раны. Он дышал размеренно и будто отсчитывал про себя каждый вдох и выдох. Почему-то он не просил обезболивающее.

Впрочем, он ведь считал рану царапиной.

Кейн оторвала кусок бинта, чтобы стереть кровь вокруг пореза.

Атрес напрягся, но ничего не сказал.

— Больно? — спросила Кейн.

— Терпимо. У меня высокий болевой порог, — ответил он.

— Хорошо. Потерпите, надо продезинфицировать.

Атрес кивнул, поднял руку, чтобы Кейн было удобнее. Он сидел абсолютно неподвижно, пока она стирала кровь и обрабатывала рану, ни разу не дернулся, даже когда она начала зашивать.

— Вы всегда хорошо переносили боль? — спросила Кейн, чтобы отвлечь одновременно и его, и себя. Она протыкала кожу аккуратно, стягивала края раны ровными, изящными стежками — ей всегда нравилось шить.

— Я много болел в детстве, — Атрес равнодушно следил за иглой. — Это приучило меня терпеть.

Кейн постаралась представить его ребенком и

улыбнулась:

— Должно быть, вы уже тогда были очень целеустремленным.

— Тогда я верил, что у меня мало времени, я не хотел тратить его прикованным к постели, — словно нечто очевидное пояснил он и неожиданно добавил: — Рядом с моей кроватью стояли старые часы. Их тиканье было очень громким и очень навязчивым. Больше всего мне хотелось, чтобы они остановились.

Он упомянул это походя, как бы между прочим, и все же что-то внутри Кейн отозвалось на эти слова. Что-то скрывалось за ними, что-то важное, чего Атрес, возможно, сам не понимал.

Или же Кейн просто так казалось.

У нее соскользнули пальцы, и Атрес едва заметно дернулся от боли.

— Извините, — сказала Кейн. — Я постараюсь быть осторожнее. Вы помните, что стало с теми часами потом?

— Нет, — он нахмурился и добавил: — Вы хотите поговорить о старых часах?

— Я просто не хочу говорить о том, что случилось, — честно признала Кейн, оглядываясь по сторонам. — Я оттягиваю неизбежное, верно?

Стежки получались ровными и аккуратными, и она с усмешкой подумала, что ее гувернантка могла бы гордиться.

— Нет, — ответил Атрес.

— Думаете, этот человек вернется?

В крохотной ванной рядом с Атресом спрашивать об этом было почти не страшно. Страшно было думать о том, что Кейн закончит обрабатывать рану, Атрес уйдет, и нужно будет выключить свет и лечь спать.

— Это возможно, — он ответил абсолютно бесстрастно и также абсолютно правдиво, не пытаясь щадить ее чувства, и Кейн горько улыбнулась:

— Честно, я предпочла бы ложь, Алан. Чтобы мне сказали, что все непременно будет хорошо, и что плохие люди не смогут причинить мне вреда.

— Зависит от того, кто эти плохие люди и на кого работают, — спокойно отозвался он.

— Не так много кандидатов, — Кейн скривилась. — Вы наверное считаете меня полной дурой. Я ведь знала, что Стерлинг может что-то сделать, мы с вами говорили об этом. И я все равно не подготовилась. Я даже не поменяла замок на двери. Мне даже в голову не пришло, что он станет действовать так грубо. Я думала, что внимание жандармов его удержит, что он возьмется за нас уже в Грандвейв.

Она поймала себя на том, что злится одновременно на себя и на безымянного вора, которого подослал Стерлинг, как будто он был ей

что-то должен.

— Если это он, — сказал Атрес. — Договор «Скайлинг» с «Трелью» у многих вызывает любопытство. Как бы я ни пытался держать его в тайне, некоторые детали неизбежно становятся известны нужным людям.

Кейн помедлила несколько секунд, заканчивая зашивать рану:

— В каком смысле?

— В прямом. Моя компания занимается разведкой в Грандвейв и в Древних Городах. Никто не знает, зачем мы отправляемся вниз, но многие уже знают, что мы что-то ищем.

— Они думают, что мы летим за... кладом? — это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой. И тут же Кейн в голову пришла другая мысль. — Вам выгодно, чтобы окружающие так думали.

— Разумеется. Это достаточно близко и далеко от правды, чтобы быть полезным.

Кейн аккуратно потянулась к бинтам, подчеркнуто осторожно принялась перевязывать рану:

— Эта полезность, возможно, привела вора в мой дом.

Кейн представила, что случилось бы, не останься они с Атресом поговорить возле цирка, и реши она отправиться домой одна.

Что бы она делала, застав в своей квартире вора?

Вполне возможно, лежала бы мертвой с ножом в боку.

— Мне жаль, — абсолютно бесстрастно сказал Атрес.

— Не надо принимать меня за идиотку, Алан. Вам не жаль. Вам ни капли не жаль, и вы не сочли нужным меня предупредить.

Объективно говоря, ей и без Атреса стоило подумать о чем-то подобном. Стоило позаботиться о защите квартиры.

Атрес, наверное, не верил, что она не готова.

В конце концов, они знали, что их договор неизбежно поставит Кейн под угрозу, но когда речь зашла о реальной опасности, непривычной и от того пугающей, Кейн растерялась.

Атрес промолчал, вероятно, ожидая от нее истерики, и позволяя выговориться.

— Простите, — сказала она. — Мне следовало догадаться самой.

— Простите, что не сказал раньше. Я предположил, вы знаете.

— Будем считать, я реагирую неадекватно. Придется теперь делать ремонт, вот уж чего я точно не ожидала. Только не предлагайте оплатить расходы, это было бы довольно неловко.

— Я не собирался.

— Правда? Вы действительно ненавидите тратить деньги.

— У вас действительно женская логика, — они снова замолчали, и в наступившей тишине можно было расслышать даже тиканье часов в соседней комнате.

— А знаете, Алан, будет глупо, если это совпадение, и в мою квартиру просто залез вор. И это никак не связано с Грандвейв и нашим путешествием. Правда?

— Я не верю в такие совпадения, — Атрес осторожно поднял руки, проверяя, насколько свободно повязка позволяет ему двигаться, и легко поднялся. — Проверьте, что именно пропало.

Она принялась собирать испачканные бинты, чтобы выбросить их:

— При условии, что этот человек успел что-то взять. Вы могли спугнуть его раньше.

Дверь в ванную была приоткрыта, и Кейн могла видеть часть комнаты — обрывки платья на полу, осколки светильника, перевернутую шкатулку с украшениями.

Ничего ценного у Кейн не было, несколько подвесок, нитка жемчуга. Роскошь осталась в ее прежней, другой жизни, вместе с семьей и статусом.

Теперь она жила очень просто, зарплаты преподавательницы и не хватало на большее.

Обычно у нее не было повода опасаться воров.

Атрес встал, осторожно потянулся к своей рубашке. Та была испачкана, но предложить взамен Кейн было нечего, и она промолчала.

— Вы понимаете, что мы не можем обратиться к властям? — спросил он.

— Разумеется, — ответила ему Кейн.

Будь все иначе, она связалась бы с жандармами, случай стали бы расследовать, но сейчас звать жандармов означало привлечь внимание и рисковать и собой, и Атресом.

— Я все понимаю, Алан, я только не хочу теперь оставаться здесь и ждать, кто и зачем заберется ко мне следующим.

— Вам есть, где остановиться?

— Конечно, есть. У меня полно знакомых, или же я могла бы отправиться в гостиницу. Но вы действительно думаете, что подставлять посторонних людей правильно? На самом деле, существует всего один приемлемый вариант.

Атрес, к его чести, не стал ни спорить, ни изображать непонимание:

— Хорошо. До отлета вы поживете у меня.

* * *

Квартира Атреса была небольшой, почти без мебели, и казалась бы совершенно нежилой, если

бы не часы на стене коридора. Их было много, несколько десятков, маленьких и больших, с круглыми и прямоугольными циферблатами, простых и богато украшенных. Они казались совершенно неуместными, лишними в квартире Атреса и совершенно не вязались с тем, что Кейн успела о нем узнать.

Все эти часы шли, и было в их тиканье нечто, что показалось Кейн странным. Она не сразу поняла, что именно ее насторожило, а когда поняла, вдоль позвоночника прошелся неприятный холодок жути. Все они тикали в унисон.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Атрес. — Я редко бываю здесь. Большая часть моего времени проходит на «Сильверне».

В его квартире было чисто и аккуратно, нигде не валялись вещи, все располагалось на своих местах и не было пыли, и это тоже казалось странным.

— Экономка следит за порядком, — ответил Атрес на невысказанный вопрос Кейн.

— Вы коллекционируете часы? — спросила она невпопад.

— Это важно? — он прошел по коридору и посторонился у двери, демонстрируя Кейн комнату. Кровать была одна.

Наверное, если бы Кейн была вынуждена остановиться у кого-то другого, она бы смущалась,

но с Атресом все было иначе.

— Я просто спросила, Алан. Я не собираюсь использовать эту информацию против вас, — Кейн с любопытством оглянулась по сторонам.

— Я не коллекционирую часы, — ответил он, на ходу стянув сюртук и небрежно бросив его на спинку ближайшего кресла. — Просто мне постоянно их дарят.

Кейн отвернулась, чтобы Атрес мог переодеться, и взгляд ее упал на тяжелый дубовый стол у окна. По поверхности стола змеились светящиеся линии схемы — агрессивной, угловатой. Вероятно, стол был охранным медиатором. Такие иногда устанавливались для защиты квартир, но она никогда не слышала об охранном медиаторе в спальне.

— Вы ведь знаете, что это вредно, — сказала она, кивая на стол, и пояснила: — Жить рядом с активным спиритом.

— Вредно встречаться с ворами, — отозвался Атрес, и Кейн услышала шуршание ткани — должно быть, он одевался. — И я не живу в этой квартире. Только ночью иногда.

На самом деле, в свете сложившейся ситуации, Кейн и сама не была против охранного медиатора, даже такого агрессивного.

За ее спиной скрипнула дверца — наверное, один из ящичков платяного шкафа.

— Вы когда-нибудь думали, почему именно вы? — спросила Кейн и уточнила: — Почему именно вы стали схематиком?

На секунду все звуки замерли, словно Атрес застыл на середине движения, а потом снова послышался шорох ткани:

— Это имеет значение?

— Нет, — Кейн улыбнулась, хотя Атрес не мог ее видеть. — Это снова просто вопрос. В вас вырастает медиатор времени, и у вас коллекция часов на стене. Странное совпадение.

Многие исследователи, которые писали о схематиках, говорили о закономерностях сверхсовместимости, об условиях вращающегося спирита в человека, но сами закономерности никто так и не выявил. В каждом случае причины были слишком индивидуальны.

И, честно говоря, и Атрес, и Хаузер не производили впечатления тех, с кем подобное может случиться.

Но все же у Атреса были часы.

Он молчал довольно долго прежде, чем ответить:

— Мне говорили, что я похож на часовой механизм, — он произнес это сухо, будто констатировал какой-то факт и хотел покончить с разговором побыстрее.

Она попыталась представить себе саму

ситуацию, в которой один человек мог сказать такое другому, и не смогла.

«Часовой механизм».

— Должно быть, вам неприятно было это слышать.

— Мне было все равно. Я не эмоционален. Можете оборачиваться.

Кейн обернулась, с любопытством его разглядывая. Атрес переоделся в домашнюю одежду, и очень непривычно было видеть его без строгого мужского костюма. Словно без брони.

— Можете считать меня странной, Алан, но мне вы совсем не напоминаете часы. Ни разу не встречала часы, которые я бы раздражала, — сказала ему Кейн. — И я не верю, что закономерность настолько простая. В Хаузера пророс медиатор иллюзий, но сам Вольфган... знаете, он на самом деле был совершенно обычным человеком. За пределами сцены в его жизни не было иллюзий. Он любил свою дочь и свою работу и понятия не имел, как для него все закончится. Многие говорят про связь между схематиком и медиатором, про первопричину. Но это точно не то, что вы кому-то показались похожим на часы.

Атрес недовольно поджал губы и уточнил:

— Вам это не нравится?

Кейн рассмеялась, чтобы сгладить неловкость:

— Странно, правда? Я даже не знаю, кто вам

это сказал и при каких обстоятельствах. И все равно меня это злит.

— Странно, — согласился он и неожиданно добавил: — Я не против.

* * *

В читальном зале пахло пылью, типографской краской и бумагой. Свет ложился на каменные плиты пола и на полированные деревянные столешницы косыми лучами, золотил витые ножки светильников. Было тихо, и казалось, что стеллажи с книгами поглощают звуки.

Кейн выбрала место в закутке с литературой по теории спирита, между полками с университетскими пособиями и каталогами бытовых схем.

Из окна было видно ратушу и большие круглые часы наверху, иногда Кейн отвлекалась от чтения, чтобы посмотреть на них.

Кейн жила у Атреса уже три дня и ничего примечательного с тех пор не происходило — никакие воры не вламывались в квартиру, Стерлинг не давал о себе знать, и Линнел по-прежнему не приходила в сознание. Даже с Атресом Кейн почти не виделась. До отлета оставалось совсем мало времени, и он занимался финальной проверкой «Сильверны».

Оставаясь одна в его квартире, Кейн чувствовала себя неловко, и, как правило, уходила в библиотеку. Она читала книги про Сонм и Первую Катастрофу, искала и учила схемы, которые могли пригодиться ей в путешествии, и старалась успеть как можно больше, тем не менее, прекрасно осознавая, что это невозможно.

Найти что-то стоящее в общей части библиотеки было сложно, а для изучения специальной литературы требовалось разрешение. Поиск изматывал и вызывал малодушное желание все бросить и забиться куда-нибудь до самого отлета.

В такое время в читальном зале было абсолютно пусто и почти жутко. Эта жуть напрягала и заставляла отвлекаться из-за каждого непонятного шороха.

Кейн уже несколько раз ловила себя на том, что перечитывает одно и то же место в книге.

Приглушенный звук слева заставил ее повернуть голову в сторону прохода. В последние дни ей постоянно приходилось одергивать себя, чтобы не хвататься за спирт. Красное яблоко и теперь возникло на столе между «Теорией защитных сфер» и «Атласом Сонма». Мираж проступил под поверхностями предметов, в воздухе и в пыли, плеснул на страницы книг и проглянул сквозь чернильные буквы.

Кейн усилием воли заставила себя не трогать Точку Смещения.

Потом она почувствовала присутствие постороннего спирита — слабое и как будто бы смутно знакомое, и по проходу мимо нее пролетела черная бабочка, потом еще одна и еще. Их было много, десятки, может быть, сотни крохотных миражей-образов, которые рассыпались серым дымом о корешки книг, опускались пеплом на пол, заполняли читальный зал запахом крови и гари.

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, — нараспев сказала Эрика. — Выходите, мастресса Анна. Я знаю, что вы здесь.

Кейн почти неосознанно уцепилась за собственную точку смещения, зачерпнула Мираж горстью и сложила перед собой защитную схему. Одна из бабочек ударилась об эту схему и пропала.

— А, вот вы где, — сказала Эрика, и теперь ее голос звучал ближе.

Разумеется, она могла определить, когда рядом с ней кто-то использовал ее архетип.

— Я здесь, — прочистив горло, сказала Кейн.

— Дайте угадаю, вы совсем меня не ждали, — Эрика появилась между стеллажей и улыбнулась.

Она была в красном платье, и его шлейф стелился по полу, как кровавый след, извивался и колыхался так, как настоящая ткань была не способна. Черные бабочки порхали вокруг Эрики,

садились на платье, чтобы превратиться в причудливый узор и исчезнуть.

Лицо Эрика прикрывать не стала, и ее шрамы — настоящие, уродливые, казались гротескным контрастом по сравнению с ирреальной красотой ее одежды.

Никто не мог жить в состоянии смещения и оставаться при этом нормальным. Эрика была тому доказательством.

— Вы как будто увидели призрака, мастресса Анна, — Эрика усмехалась добродушно, и это совершенно не вязалось ни с ее лицом, ни с миражами вокруг. — Не рады меня видеть?

— Просто не ожидала, — насколько могла нейтрально ответила Кейн. — Как вы узнали, что я здесь?

— Где же еще вам быть, за пару дней до отлета? — Эрика подошла и села, отодвинув себе стул. — Я ненавижу вас и хорошо знаю. Поэтому я спросила у администратора, здесь ли вы, и — вуаля! — магия сработала.

— Вы пришли поговорить? — тщательно контролируя голос, уточнила Кейн. С этой новой Эрикой она постоянно чувствовала себя словно на струне над пропастью, в одном неверном вдохе от падения.

— Я пришла почитать, — Эрика взмахнула в воздухе рукой, и на кончиках ее ногтей вспыхнули

искры. — Я отправляюсь в то же самое путешествие, что и вы, стоит освежить память. Знаете, я много раз его планировала, собирала информацию, готовила схемы. Все-таки не зря, вы напрасно надо мной смеялись.

— Я никогда над вами не смеялась, — поправила ее Кейн.

— Неужели? — Эрика преувеличенно удивленно вскинула брови.

— Судьба и смерть Вольфгана Хаузера никогда не казались мне смешными.

На мгновение между ними повисла напряженная, почти звенящая тишина, а потом Эрика рассмеялась, сложила пальцы пистолетом и «выстрелила». С кончиков ее ногтей сорвались черные бабочки:

— Бам! Будем считать, что один-один. Передайте мне «Атлас Сонма».

Кейн помедлила, прежде чем исполнить просьбу. Она была странной. Странной, именно потому что слишком... нормальной. Так могла бы попросить та девочка, которую Кейн учила в Университете, но не нынешняя Эрика — ненормальная, окруженная миражами и образами «королева иллюзий» в кроваво-красном платье.

Это было очень эффектно, словно придуманная кем-то картинка: золотистые пылинки в библиотеке, платье и бабочки, но в этой

эффектности не было места «Атласу Сонма» — потрепанной старой книжке, страницы которой кое-где были изрисованы всякой ерундой.

— Вы не уберете это? — Кейн неопределенно повела рукой в воздухе, подразумевая миражи целиком.

— А вас это напрягает, мастресса Анна? — притворно удивилась Эрика. — Даже странно, ведь если сравнить нас, вы намного ближе к спириту, чем я. В конце концов, это вы настоящая мастресса, для вас то, что я делаю, просто уличные фокусы. Верно?

— Вы используете Мираж лучше меня, — ответила Кейн то, что прекрасно понимали они обе. У нее не было ни такого контроля над спиритом, как у Эрики, ни способности держать точку смещения все время. Кейн просто могла использовать еще и осязаемый Нулевой Архетип.

— Да, но он, увы, не настоящий, мастресса Анна. Все, что у меня есть — это миражи.

— У вас есть вы, — возразила Кейн. — Многие сказали бы, что это немало.

— О, ради бога, — Эрика криво усмехнулась, и шрам на ее обожженной щеке исказился, — не пытайтесь скормить это многозначительное дерьмо мне. Я ничего не имела ввиду. В конце концов, я и с миражами живу довольно неплохо, вы сами видели афиши. «Королева иллюзий». У меня даже есть

титул.

— Мне жаль, если я вас задела.

— Я сейчас возьму с постамента у входа вазу и разобью о вашу голову, — все еще улыбаясь, ответила ей Эрика. — И ваша жалость пройдет.

— Я не хотела вас разозлить.

— Я не хотела, чтобы вы были такой унылой.

Но, увы, никто не получает желаемое.

Их разговор на самом деле не имел смысла. Что бы Кейн ни сказала в ответ, для Эрики это было просто набором звуков. Эрика хотела ненавидеть, и Эрика ненавидела.

Это вызывало ощущение безнадежной усталости.

Там, в библиотеке, Кейн казалась себе очень старой. Старой и некрасивой, даже несмотря на то, что это не ее изуродовало спиритом.

Тем не менее, ее приучили отвечать на такие провокации, и она ответила:

— Я могла бы шутить и быть очаровательной специально для вас, но не думала, что вам это нужно.

— Я посмотрела бы на это, просто из любопытства, но не хочу, чтобы вы напрягались, — потом Эрика рассмеялась и исправилась: — Хотя вру, нет. Я хочу, чтобы вы напрягались, и хочу, чтобы вам было плохо. Сейчас вы скажете, что я злая?

— Нет, Эрика, — спокойно ответила ей Кейн. — Сейчас я скажу, что вам просто больно, и вы не умеете прощать. То есть выдам еще одну порцию многозначительного дерьма.

— Вот как, — Эрика рассмеялась, и бабочки растаяли в воздухе. Роскошное алое платье превратилось в простое серое, и шрам исчез, скрытый миражом:

— Пиф-паф, мастресса Анна! Будем считать, что два-два.

Она сказала это весело и беззлобно, но Кейн не могла отделаться от мысли, что при ней только что сменили одну маску на другую.

— Что именно вы надеетесь найти в библиотеке? — спросила она, когда пауза в разговоре затянулась.

— Ничего нового или сверхъестественного, — Эрика открыла «Атлас Сонма» и равнодушно пролистала первые несколько страниц. — Нового и сверхъестественного нет в этом читальном зале. Увы, после смерти папы, я сделала глупость и повыкидывала слишком много книг о спирите. Хорошо, что не все.

«Должно быть, вам было очень тяжело», — хотела сказать ей Кейн, но Эрика никогда не приняла бы сочувствия от нее.

И в любом случае, эти слова ничего не меняли. Эрика потеряла шанс стать мастрессой,

была изуродована спиритом, а потом ее отец медленно угас у нее на глазах. После такого слова теряют способность утешать.

— Вам не обязательно лететь. Это опасно, — сказала Кейн.

Эрика смерила ее скучающим, отстраненным взглядом и растянула губы в улыбке:

— Это говорите мне вы? Мастресса Анна, я готовилась к этому путешествию много месяцев. Я знаю, что оно опасно, — потом она чуть склонила голову на бок, словно птица, увидевшая редкого жука. — А вы? Как давно вы решились лететь?

— Это имеет значение? — вопросом на вопрос ответила Кейн, потому что не хотела отвечать правду.

— Разве не от вашего умения будут зависеть все наши жизни? Разве не вы здесь настоящая мастресса? — Эрика подалась вперед, и в ее волосах меж прядей заскользили змеи. Кейн заставила себя сохранять невозмутимое выражение лица. Она ненавидела змей.

— В том, что касается спирита, вы не слабее меня, Эрика.

Та фыркнула от смеха, и миражи пропали:

— А вы всегда кидаетесь льстить, когда чувствуете, что пахнет жареным. Можете не отвечать, вы и так все сказали. Ни к чему вы не готовились, и ничего вы не знаете, ни о Древних

Городах, ни о точках расщепления. Можно подумать, я не определю этого по книгам, которые лежат у вас на столе. И, можно подумать, вам нужно было бы просить меня о помощи, если бы вы готовились несколько месяцев. Нет, вы бы знали координаты узлов Земли и сами.

— Я умею работать в аномальных спирит-зонах. Это само по себе немало.

— Да, хорошо вас прижало, мастресса Анна, что вы кидаетесь спасать этого вашего Атреса не разобравшись, как выжить в процессе. Он настолько хорошо трахается? — Эрика смотрела хищно, внимательно, словно пыталась что-то прочесть на лице Кейн, и ее взгляд совершенно не вязался с грубостью. Эрика во многом была как головоломка с несовпадающими фрагментами: изумительной красоты миражи и изуродованное лицо, милая улыбка и откровенное хамство.

Она, должно быть, верила, что это хамство ей что-то даст.

— Я не поддаюсь на такие провокации, Эрика, вам придется придумать что-нибудь еще.

— А я и не провоцирую вас. Я просто пытаюсь понять, почему вы вдруг готовы лезть в Древние Города наперегонки со временем. Даже в моей компании.

— Я ничего не имею против вашей компании. Я просто не хочу, чтобы вы рисковали.

— А еще вы до трясучки боитесь того, что я могу с вами сделать там, под Грандвейв, — Эрика снова побарабанила по столу пальцами, словно раздумывая над чем-то, и из под ее ногтей разлетелись крохотные алые искры. — Но вы все равно согласились.

— Если бы вы хотели убить меня, вы давным-давно могли бы это сделать. Я не верю, что вам это нужно.

— Мне нужно со всем покончить. Мне нужно завершение. Пока, мастресса Анна, я как сломанные часы, которые застыли на без пяти одиннадцать. Что бы я ни делала, я все время возвращаюсь в одно и то же время, когда умирал папа. Можете не сомневаться, если бы ваша смерть это исправила, я убила бы вас.

— Если вы убьете меня, вы никогда не сможете сами вернуться из Древних Городов.

— Разве мне не все равно? — Эрика закрыла «Атлас Сонма» и улыбнулась каким-то своим мыслям. — Шучу. Конечно, мне не все равно. Я не хочу умирать. Но, кто знает, может быть, возможность утащить вас за собой того стоит?

— Я настолько важный человек в вашей жизни? Я в это не верю. Мне жаль, что так получилось с вашим отцом, но, даже вернись мы в прошлое, я не стала бы рисковать жизнью и балансом спирита в схеме Земли ради него.

— Конечно, нет, — сладко улыбаясь, ответила ей Эрика, и если бы взглядом можно было убивать, Кейн точно бы его не пережила. — Вы из тех, кто проходит мимо. Ведь это не ваше дело. Ведь вы никому не должны. Это то, как вы оправдываетесь перед собой?

— Да, — Кейн сделала глубокий вдох, прежде чем объяснить то, в чем никогда не любила признаваться:

— Я отказалась из страха. Испугалась за свою жизнь, испугалась возможных последствий. Мне было очень-очень страшно.

— Да, — Эрика снова задумчиво побарабанила пальцами по столешнице, и на ней появились и затянулись, как шрамы, несколько трещин, — этот Атрес вам действительно дорог. Ради него вы решили рискнуть. За него вы боитесь даже больше, чем за себя. Не бойтесь меня, я не такая, как вы. Я не подпишу другому человеку смертный приговор.

Кейн понимала, что Эрика права, и все же не смогла промолчать:

— Вы точно так же, как и я когда-то, готовы были обречь его на смерть. Сделали бы это, если бы не решили отправиться с нами. Хотя я всего лишь просила у вас координаты.

Эрика рассмеялась и несколько раз демонстративно хлопнула в ладоши:

— Браво. Вы почти полностью избавились от чувства вины и начали огрызаться. Растете на глазах, мастресса Анна. Но некоторые отличия между нами все-таки есть. Я могла бы отказать. Вы — отказали. Чувствуете разницу?

Кейн ничего не сказала ей в ответ.

* * *

В тот раз Эрика не стала задерживаться в читальном зале надолго, а Кейн осталась до самого закрытия, и под конец больше всего ей хотелось лечь спать, и чтобы все проблемы разрешились сами собой. Атрес перестал бы сливаться с медиатором, Линнел пришла бы в себя и неожиданно унаследовала состояние, способное спасти «Трель», а Стерлинг провалился бы куда-нибудь в Древний Город. Реальность — с ее интригами, сумасшедшей Эрикой и вором, который не боялся пустить в ход нож — совсем не казалась Кейн привлекательной.

На улице было уже темно; впрочем, в это время в Цитадели уже темнело довольно рано, прохожие спешили по домам, холодные сквозняки гуляли по каменным улицам и гоняли облачка красноватой пыли, которую по осени часто приносило с севера.

Кейн шла пешком в квартиру в Атреса,

скрывшись под простеньким, почти неразличимым миражом пожилой женщины — чего почти никогда себе не позволяла — и чувствовала себя в тот момент действительно старой и очень усталой.

В квартире Атреса было пусто, и не горел свет.

Кейн убрала мираж, приняла короткий душ, переодевшись в домашнюю одежду, и легла спать, не поужинав. Есть ей не хотелось, и готовить тем более.

Думать не хотелось тоже, но слова Эрики все время всплывали в памяти. Кейн так и уснула после очередного «Вы — отказали» и «я могла бы вас убить».

Почему-то ей приснился Вольфган Хаузер. Он сидел в читальном зале, листал «Атлас Сонма» и спрашивал Кейн «когда мы улетаем?».

Немногим после полуночи Кейн проснулась от того, что вернулся Атрес.

Он зашел в комнату только за одеждой, а потом отправился в душ. Кейн лежала, слушала, как шумит вода, и этот звук казался ей странно умиротворяющим. Потом Атрес пришел в комнату.

— Здравствуйте, — сказала ему Кейн и передвинулась на кровати, чтобы он мог лечь. Поначалу ей казалось, что это будет неловко — спать с ним в одной постели — но к тому моменту, как дело доходило до сна, они оба так уставали, что

сил на смущение у Кейн не оставалось. Атрес, к его чести, ни разу не позволил себе лишнего, и, скорее всего, это лишнее в отношении Кейн было ему неинтересно.

— Вы не поужинали, — сказала Кейн, когда он лег.

— Вы не спите, — ответил он, словно отмечал какую-то важную деталь.

— Проснулась, когда вы пришли, — Кейн отодвинулась чуть дальше к краю кровати, и одеяло между ней и Атресом натянулось. — Не хотели со мной разговаривать?

— Устал, — коротко поправил он и добавил: — Мы вылетаем послезавтра на рассвете. Вы готовы.

Он не спрашивал, а утверждал, и равнодушная уверенность в его словах почти заставили Кейн улыбнуться:

— Может быть, и нет. Может быть, Алан, мы слишком торопимся, и это убьет нас всех.

— Тогда это убьет нас всех, и мы никогда не сможем пожалеть о спешке.

— Вы действительно пессимист, да?

— Я просто не склонен жалеть себя. Спите. Завтра тяжелый день.

— Сегодняшний тоже не был легким, — Кейн перевернулась на бок, лицом к нему. — Знаете, я встретила Эрику в библиотеке.

— Думаете, это станет проблемой? — Атрес повернул голову в ее сторону, и свет ночника очертил его профиль.

— Я ни о чем не думаю. Я просидела в читальном зале больше одиннадцати часов, и в моей голове только схемы и карты Грандвейв, — Кейн потянулась и посмотрела на него в упор. В окружающем полумраке его глаза казались двумя черными дырами. — Алан, могу я вас попросить?

— Попросить — да, — ответил он.

— Скажите, что все будет хорошо. Пожалуйста.

— Вы снова хотите, чтобы я врал?

— Очень хочу.

— Я не стану. Все может закончиться плохо. Вы теперь откажетесь от путешествия?

— Нет, — она фыркнула и повернулась к нему спиной. — Я теперь откажусь разговаривать с вами до самого утра. Могли бы и выполнить просьбу.

Она услышала, как он повернулся, должно быть, спиной к ней — они всегда спали так, отвернувшись друг от друга — и сказал:

— Все будет хорошо.

После этого Кейн заснула, и ей ничего не снилось.

* * *

«Сильверна» висела над причалом номер тридцать семь и казалась нарисованной на фоне пасмурного неба. Кейн смотрела на нее, ждала, когда Атрес закончит проверку, и ни о чем не думала. День перед отлетом пролетел слишком быстро и не принес ничего нового.

Кейн с Эрикой снова встретились в читальном зале, только на сей раз у них обоих не было времени ни на что, кроме книг. Уходя, Эрика оставила на столе три листа со схемами и заметками, и те оказались полезнее всего, что Кейн нашла за последние дни самостоятельно.

Теперь она ждала на причале и не верила до конца, что все это происходило на самом деле.

Рядом, не обращая на нее внимания, ждала Эрика — она стояла в белом платье, безупречно прямая и прекрасная, и ветер не шевелил ни волоска на ее голове. Она была укрыта миражом с ног до головы.

Кейн подумала о том, что если бы после появления вора Атрес не решил установить новое вооружение на «Сильверну», они улетели бы в Грандвейв на несколько дней раньше, и малодушно радовалась, что у нее были эти несколько дней. Даже если они не дали ей почти ничего нового.

— Боитесь, мастресса Анна? — не поворачивая головы, спросила ее Эрика, забавляясь с клочком белого тумана в своей ладони. Она

превращала его то в воробья, то в ветки деревьев, то обвивала вокруг пальцев, будто прядь волос.

— Да, наверное, — не стала спорить Кейн. — Вы?

— Разумеется, ведь я лучше вас знаю, что нас ждет. Поверьте, там очень страшно, — было что-то странное в том, как она это сказала. Будто Эрика не читала какие-то книги о Грандвейв, к которым у Кейн не было доступа, а видела Древние Города лично, вернулась оттуда.

— Вам нравится меня пугать? — поинтересовалась Кейн.

— Конечно, нравится, — Эрика улыбнулась каким-то своим мыслям. — Я хочу, чтобы вам было плохо, помните? Но это никак не отменяет того, что на поверхности очень страшно и очень опасно.

— У вас хорошо получается, Эрика. Пугать.

На секунду под миражом проступили шрамы — уродливые и настоящие:

— Потому что я теперь уродка? — с любопытством спросила она.

Кейн хотела ответить ей, что дело не в этом, что ожоги Эрики пугали намного меньше, чем слои миража, которые укутывали ее саваном.

Кейн не успела.

Из гондолы «Сильверны» спустили трап.

— Нам пора, — сказал Атрес, появляясь у входа.

И Кейн поднялась наверх молча.

Меньше, чем через пятнадцать минут «Сильверна» отправилась путь, в сизое, будто свинцовое небо.

Глава 4

Личная воздушная яхта Джеймса Стерлинга называлась «Штанза». Это был прогулочный золотисто-зеленый корабль с новейшим спирт-двигателем, который позволял судну легко маневрировать как в портовых районах Цитадели, так и при перелете от одной платформы к другой. Корабль был небольшим, быстрым, и в целом Джеймс Стерлинг был им весьма доволен, хотя необходимость летать на «Штанзе» возникала не слишком часто.

Он определенно не ждал, что эта необходимость возникнет из-за Механика.

Работа с непроверенными людьми всегда подразумевала определенный риск, и все-таки Механик сумел его неприятно удивить. Он согласился на озвученные условия и взял задаток только для того, чтобы через несколько суток появиться в квартире Стерлинга в центральной части Цитадели.

Он просто пришел, пробрался, будто обычный вор, каким-то образом отключив охранный

медиатор. Механик потребовал, чтобы Стерлинг лично доставил его к «Сильверне» на «Штанзе».

Разумеется, присутствие яхты неподалеку от «Сильверны» перед тем, как Атрес с Кейн пропадут в Грандвейв навсегда, вовсе ничего не доказывало, никаким образом не подставляло Стерлинга перед законом, и все же, из-за пристального внимания жандармов он предпочел бы вообще не вмешиваться в происходящее.

В любом другом случае он отказался бы от услуг Механика, но тот пришел слишком поздно, накануне отлета Атреса и Кейн, когда найти кого-нибудь другого исполнителя уже не представлялось возможным.

«Штанза» покинула небесный причал Цитадели за два часа до рассвета, до отлета «Сильверны», и поднялась в низкие чернильные облака. Они были плотными, густыми, готовыми вот-вот пролиться на город дождем.

Такая погода, хоть и затрудняла навигацию, была им выгодна, потому что позволяла следить за кораблем Атреса, оставаясь при этом незамеченными.

«Штанза» была легкой яхтой, непригодной для длительного перелета, но она развивала хорошую скорость и была маневреннее «Сильверны». Форсаж во времени позволяла ей без труда следовать за кораблем Атреса, не давая

сократить дистанцию и при этом не обнаруживая себя.

Джеймс Стерлинг сидел в рубке управления рядом с Механиком, улыбался небрежно и непринужденно, следил за показаниями приборов и ничем не выдавал, насколько его злила вся ситуация.

Механик — высокий массивный мужчина в темной свободной одежде — развалился в кресле рядом, и казалось, что будь в пределах досягаемости столешница, он непременно забросил бы на нее ноги. Стерлинг знал такой типаж людей — наглые идиоты, убежденные, что всегда остаются сами себе хозяевами, хоть и живут за счет чужих поручений. Самому себе Механик наверняка казался очень значительным, но что он мог изменить и на что повлиять?

Джеймс Стерлинг на самом деле ничего не имел против заблуждений, пока это были чужие заблуждения.

Как, например, заблуждения красавицы Анны, которая верила, что, обвинив его во время дачи показаний, автоматически решит все свои проблемы.

Ей следовало знать, что неприятности не исчезают так просто.

В кабине управления было тихо.

Серебристая точка «Сильверны» ровно

мелькала на спирит-радаре, указывая на положение корабля. Механик следил за ней неотрывно.

Он держал левую руку на подлокотнике абсолютно расслабленно. Рука ниже локтя целиком состояла из спирита и тускло светилась, отбрасывая блики на полированное красное дерево, из которого было сделано кресло.

Кроме руки ничто не выдавало в Механике схематика, впрочем, Стерлинг не знал, как далеко зашел процесс. Возможно, медиатор уже пророс сквозь все тело.

— Идут по торговому маршруту, — неожиданно сказал Механик, не поворачивая головы и не отрывая взгляда от положения «Сильверны» на радаре.

— Разумеется, ведь это безопаснее, — ответил ему Стерлинг, досадуя, что приходится объяснять очевидное. — Неожиданное путешествие в Грандвейв в компании мастрессы многих заинтересовало. Вряд ли мы единственные, о ком стоит беспокоиться красавице Анне. Все хотят знать, за каким волшебным сокровищем она летит.

— Большой, наверное, куш, если училка из Университета бросила все и рванула искать приключений, — усмешка у Механика была кривой. Ее определенно никто не назвал бы доброй.

— Любопытство — это порок, — не показывая, насколько ему неприятен разговор,

сказал Стерлинг. — Я плачу вам достаточно щедро, чтобы не размениваться на всякие подозрительные сокровища, верно? Пожалуй, даже слишком много.

— Жадность — хреновое качество, — фыркнув, отмахнулся от него Механик. — Но ты ведь не собираешься кинуть меня на деньги?

— Разумеется, нет. Это не в моих интересах.

Он сказал правду. Стерлинг действительно не собирался «кинуть» его «на деньги». Он собирался оставить Механика в Грандвейв на смерть, но, в конце концов, смерть ведь не исчислялась в денежных единицах.

Механик использовал «Штанзу», чтобы преследовать «Сильверну» до погружения в пелену Сонма. После он должен был пересечь на небольшую небесную шлюпку и перехватить судно в верхних слоях схем. Стерлинг и не обещал ему путевку обратно. Об этом Механику стоило подумать заранее, до того, как он решил изменить условия.

Стерлинг верил, что идиоты всегда сами копают себе могилы.

Еще некоторое время Механик молчал, следя за радаром, и постукивал светящимися пальцами по кожаной обивке кресла.

— Тебе не интересно, куда они летят? — спросил он, наконец.

— Нет, — спокойно отозвался Стерлинг. —

Сокровища Древних Городов меня не интересуют. Настоящие деньги добываются совсем иначе.

И это с самого начала настораживало его во всей истории с Атресом и Кейн. Многое не складывалось.

Атрес будто намеренно выставлял напоказ, что отправляется в Древние Города за кладом, хотя в его интересах было сохранить все в тайне, чтобы избежать конкуренции.

Слишком легко согласилась на эту авантюру Анна, и слишком многого потребовала взамен.

— Значит, ради настоящих денег нужно убрать парочку кладоискателей? — с усмешкой протянул Механик, когда молчание снова затянулось.

— Не многовато ли вопросов?

Поведение Механика тоже казалось странным. Слишком развязно он действовал для обычного убийцы, слишком многого требовал и слишком много спрашивал.

— Полет длинный, почему бы и не поболтать?

— Большие знания — большие печали, никогда не слышали?

— Ну, я ведь и не настаиваю, — Механик только тогда повернул к Стерлингу голову и снова криво усмехнулся. — Я не могу ссориться с клиентами, это плохо сказывается на бизнесе.

— Отсутствие подготовки плохо сказывается

на бизнесе. Например, неумение найти подходящий корабль.

Механик проигнорировал намек и снова посмотрел на приборы:

— Зря они маячат на торговом маршруте, — задумчиво заметил он.

— Как я уже говорил, — с некоторым раздражением ответил ему Стерлинг. — Это потому, что торговый маршрут безопасен. Здесь сложно что-то предпринять.

— Да, зато любой пролетающий мимо ублюдок видит их на радаре. Торговый маршрут проходит над плотными участками Сонма, значит, сквозь него они в Древние Города не сунуться. А когда им потребуется сойти с торгового маршрута, все, кто заинтересовался, последуют за ними. В таких условиях далеко не убежишь. Странно это все, будто нарочно. Что скажешь?

— Я скажу, что мне не нравится этот тон. Не стоит забывать, на чьем корабле мы сейчас летим. И кто платит деньги. Мое терпение велико, но не безгранично.

Даже если поведение Атреса казалось Стерлингу нелогичным, он не собирался обсуждать это с Механиком. Существовал предел, до которого стоило изображать хорошего босса, и этот предел был перейден давным-давно.

— Просто не люблю сюрпризы. Хреново

будет, если вдруг откуда-нибудь вылезут конкуренты. Хотя мне-то что? Кто бы ни убрал эту твою училку и ее приятеля, я все равно получу деньги.

— При любом раскладе, в котором они не вернуться в Цитадель, — согласился Стерлинг, хотя ему больше нравился вариант, при котором Механик навсегда оставался под Грандвейв вместе с ними.

— И что, она действительно так хороша? Эта твоя красавица, — с любопытством поинтересовался тот.

— Все достоинства красавицы Анны, а именно ее тело и ее лицо, перечеркиваются одним крайне неприятным качеством характера. К сожалению, у нее есть мозги, — нейтрально ответил Стерлинг, хотя такие вопросы были ему неприятны. Анна Кейн была помехой, безусловно, но не дешевой потаскухой, чтобы всякий сброд позволял себе лишнее.

— Не такой уж большой недостаток, если вставить как следует, — Механик задумчиво царапнул заостренными ногтями спирит-руки по подлокотнику. — С мастрессами всегда так. Они все из себя такие умные, все такие умелые, но стоит надавить и понимаешь, что внутри них только гниль и черви, — он криво улыбнулся какому-то своему воспоминанию и подмигнул. — Я уже

говорил, что ненавижу мастресс?

Стерлинг улыбнулся ему в ответ, чувствуя, что мог бы выкинуть Механика в шлюз, если бы не нуждался в его услугах:

— Не стоит недооценивать красавицу Анну. Мاستресса или нет, но если эта женщина увидит слабину, она ударит, можете не сомневаться. И если она ударит, она уже не даст вам возможности подняться.

«Я бы не дал», — подумал Стерлинг. Что ж, в этом Анна действительно оказалась права. Они со Стерлингом были в чем-то похожи, и именно поэтому ее стоило опасаться.

— Мозгов у нее явно недостаточно, чтобы не соваться на торговый маршрут, — лениво отмахнулся Механик. — Я вот тут подумал, может быть, это так и задумано. Собрать всех ублюдков, которые летят следом, и сравить их друг с другом. Чем не план?

— Даже если это правда, — ответил Стерлинг, — то я советую вам просто дожждаться, чем все закончится, и добить победителя. Для специалиста вашего уровня это не должно быть сложно, — он позволил себе ядовитую усмешку и добавил. — Верно?

Механик промолчал и снова перевел взгляд на радар.

Общая зона на «Сильверне» располагалась на крохотной площадке над рубкой управления, рядом с капитанской каютой. Площадка представляла собой небольшой пятачок с низким столом и тремя старыми креслами у окна и, как подозревала Кейн, была просто местом, где члены экипажа могли собраться, чтобы поиграть в карты в свободное время. Окно занимало почти всю переднюю часть гондолы, и если бы не погода, наверное, из него открывался бы прекрасный вид. Сейчас «Сильверна» шла между прослойкой Грандвейв и пеленой облаков, и за стеклом, насколько хватало взгляда, расстилалась только свинцовая серая муть.

На полу, словно пародируя вид из окна, по пронзительно синей глади небес плыли пушистые облачные замки — Эрика снова развлекалась с миражами.

Атрес привел их на эту площадку и ушел в рубку управления к Дейну. Кейн знала, что тот тоже находится на борту, хотя и не видела его. Предполагалось, что племянник Атреса останется вместо капитана на «Сильверне», когда придет время отправиться к точке расщепления.

Пока от Кейн ничего не зависело, она предпочитала не вмешиваться, смотреть в окно и предоставить Атресу доставить их к нужным

координатам невредимыми.

Эрика сидела напротив, со скучающим видом водила кончиками пальцев по столешнице, оставляя смоляные, будто свежие чернила, следы, и молчала. Миражи текли вокруг нее лениво, неспешно и будто бы задумчиво — небесная гладь по полу, узоры на столе.

Иногда она скрывала образами стены, заменяла их золотистой пустыней, и казалось, что площадка перенеслась в какой-то диковинный сон.

— Здесь довольно скучно, — наконец она нарушила молчание. По пустыне вокруг прошел ветер, обдал жаром лицо, а потом картинка выцвела до белизны, и остался только стол и три кресла. — Признайтесь, мастресса Анна, вы тоже ожидали большего. Как минимум битвы кораблей. Знаете, мне всегда казалось, что битва кораблей — это масштабно и романтично.

— Я тоже считаю, что это масштабно и романтично, — согласилась Кейн нейтрально. — До тех пор, пока вы лежите на диване и читаете про битву кораблей в книге. В реальности я предпочитаю сюжеты, в которых все боялись нападения, но оно так и не случилось.

Атрес, если Кейн поняла его правильно, надеялся избежать столкновения с другими кораблями, но даже он не знал ни скольких заинтересовала их экспедиция в Грандвейв, ни чем

такой интерес мог обернуться. На торговом маршруте «Сильверна» оставалась в относительной безопасности, но территория за его пределами технически была внешней зоной, на которую не распространялось влияние государства.

Ничто не мешало тем же людям, которые отправили вора в квартиру Кейн, собрать несколько кораблей и напасть, как только «Сильверна» окажется уязвима.

— Это довольно забавно, — Эрика улыбнулась каким-то своим мыслям, и белизна вокруг них пошла рябью, будто поверхность воды. — Все думают, что вы летите за каким-то удивительным сокровищем. Готовы убивать за это сокровище, которое на самом деле даже не существует. А знай они правду, скорее всего только с сочувствием помахали бы нам вслед.

— Знай кто-нибудь правду, и нас преследовали бы государственные корабли, Эрика. Они сделали бы все, чтобы мы не добрались до узла Земли. И их «все» началось бы с залпа на поражение.

— Да, — та снова улыбнулась, и в окружающей белизне, будто вскрытая скальпелем вена, возникла красная река. — Я и забыла. Вы так трясетесь над схемой Земли, так боитесь в нее вмешаться, и что вас стукнут по руке, когда вы к ней только потянитесь, что шугаетесь каждой тени.

Но вы бы соотносили свои силы с реальностью, мастресса Анна. Посмотрите в окно, если иначе не получается. Все, что вы увидите, до самого горизонта, будет маленький-маленький клочок мира. Земля огромна, и если вы верите, что можете в одиночку повлиять на ее узел, то вы наивная, высокомерная дура.

Она договорила и убрала все миражи, будто по команде, и за окном снова возникла серая облачная муть.

— Те, из-за кого случилась Первая Катастрофа, Эрика, считали так же, как и вы. Они были уверены, что им не хватит сил на что-то повлиять. Их ошибка в расчетах убила очень много людей. Можете считать меня высокомерной дурой, но такие вещи заставляют быть мнительной.

— Ваша мнительность теперь никого не волнует, — прикрыв глаза от удовольствия, протянула Эрика, так словно ей нравилось произносить вслух это «не волнует». — Вы уже согласились рискнуть всеми этими «многими людьми». Мне интересно, как вы оправдываетесь перед собой. Не думайте, что я издеваюсь, мастресса Анна. Я правда хочу знать, что позволяет вам засыпать спокойно.

— Вы считаете меня лучше, чем есть, Эрика. На самом деле, я никак не оправдываюсь перед собой, — спокойно ответила ей Кейн. — Я просто

иду спать, потом просыпаюсь и живу дальше. К счастью, вполне возможно жить без веры в собственную правоту и без оправданий. Человеку вообще не обязательно быть правильным, стремиться к какой-то цели или чем-то обладать, чтобы жить. Достаточно просто чередовать вдохи с выдохами, и все будет хорошо.

Эрика рассмеялась, и ожог на ее щеке искажился, превратил лицо в странную маску, словно кто-то сложил паззл из несочетающихся кусочков — красоту и уродство:

— Прекрасно сказано, мастресса Анна, в духе вашего обычного многозначительного дерьма. Я и сама — живая иллюстрация ваших слов. Я чередую вдохи с выдохами, без цели и без оправданий, и живу.

«Вы не уникальны в этом, — хотела сказать ей Кейн. — Все живут именно так». Но ее прервал звук шагов.

Эрика села немного ровнее, и миражи снова укрыли ее потоком образов — исчез ожог, заиграли блики в волосах, и пол снова превратился в росчерки облаков на пронзительно синем небе.

Дейн появился в проходе, ведущем к общей зоне и застыл, увидев, во что превратилась зона отдыха.

К его чести он довольно быстро взял себя в руки и подошел ближе, ступая по облакам почти

так же уверенно и спокойно, как и по металлическому полу коридора.

— Добрый день. Дейн, если не ошибаюсь? — Кейн ободряюще улыбнулась, стараясь сгладить неловкость. — Пожалуйста, не обращайтесь на это внимания, Эрика тренируется использовать мираж.

— Разве? — с подчеркнутым любопытством вмешалась та, не желая облегчать Кейн задачу. — Хорошо, что вы сказали, мастресса Анна. Я об этом не знала.

Дейн напряженно улыбнулся в ответ:

— Прошу прощения, если я не вовремя, госпожа Анна, госпожа Эрика. Капитан попросил меня составить вам компанию.

В том, как он произнес это «капитан», можно было прочесть все его отношение к Атресу: восхищение на грани с обожанием и готовность выполнить любой приказ. Дейн держал спину идеально ровно, остановился, сложив руки за спиной, совершенно очевидно подражая своему дяде, и это было почти трогательно.

— Вы как раз вовремя, — соврала ему Кейн. — Мы собирались...

— Очень вовремя, чтобы рассказать, как дела за бортом, — перебила ее Эрика, улыбаясь и постукивая по столешнице пальцами. Из-под кончиков вылетали крохотные клочки пепла и падали вверх. — Наверное, за нами летит целая

свита. Я слышала, экспедиции в Грандвейв привлекают внимание.

— Вам не о чем беспокоиться, госпожа Эрика, — убежденно ответил он с той верой, которая присуща, как правило, блаженным и сектантам. — «Сильверна» — великолепное судно, Вы в безопасности.

Та рассмеялась, и ее смех расслоился звоном колокольчиков и скрипом мельничных жерновов:

— Я всегда в безопасности, — сказала она и исчезла на несколько секунд, чтобы тут же появиться снова. — Пока я не захочу, никто меня даже не увидит.

— Никто, кто не взял с собой спирит-радар, — сухо заметила Кейн. Ее раздражала эта идиотская игра на публику. Мираж, чем бы он ни был для Эрики, как бы хорошо она им не владела, существовал не для того, чтобы запугивать или красоваться перед людьми, которые не могли им управлять.

— Bravo, мастресса Анна, вы меня подловили. Да, на радаре все мои жалкие трюки будут видны, — Эрика рассмеялась снова, и убрала все образы сразу, обнажая одновременно и ожог на своей щеке, и кривую усмешку, которая совершенно ей не шла. — Как жаль, правда?

— Жалкое здесь только ваше желание продемонстрировать их всем и каждому, — спокойно

ответила Кейн.

— Вы просто сожгли меня глаголом, — Эрика подмигнула Дейну и доверительно шепнула. — Можете не бояться, на самом деле мы не вцепимся друг другу в волосы. Это только выглядит так.

Он смущенно кашлянул:

— Подобное даже не приходило мне в голову.

Кейн, говоря откровенно, совсем не была уверена, что до выдирания волос все-таки не дойдет. Она только надеялась, что, если это случится, то случится без свидетелей.

— Так что насчет свиты? — неожиданно вернулась к изначальному вопросу Эрика. — Сколько кораблей нами заинтересовалось? Наверное, они все очень спешат пообщаться с мастрессой Анной и капитаном.

Дейн сел в последнее свободное кресло и сцепил руки перед собой:

— Мы заметили десять воздушных объектов, которые потенциально могли бы следовать нашим курсом, но определить это точно на торговом маршруте невозможно.

Атрес объяснял Кейн, что при необходимости мог бы узнать более или менее точно — сделать вид, что «Сильверна» собирается сойти с торгового маршрута, и посмотреть, сколько кораблей изменят свой курс следом, но это означало выдать себя. Он не хотел показывать, что ожидает нападения и

готов к нему.

— Это довольно много, — осторожно заметила Кейн. — «Сильверна», наверное, не может позволить себе открытый конфликт.

— Скорее всего, эти корабли не связаны между собой, госпожа Анна, — возразил ей Дейн. — Когда они поймут, что у них одна цель, они станут соревноваться между собой, кто сумеет получить нас первыми, а не нападать единым флотом.

— Разделяй и властвуй, мастресса Анна, — прокомментировала Эрика. — Как девочки в частной школе. Если у тебя три неприятельницы, то ты стравливаешь их друг с другом, а потом их исключают. Делали так?

— Я не училась в частной школе, — ровно отозвалась Кейн. — Но мне сложно представить, что все так просто. Не может быть, чтобы десять кораблей перебили друг друга.

— Это просто отвлекающий маневр, — пояснил Дейн, и в его голосе прозвучала та затаенная гордость, которая без слов сказала Кейн, что этот маневр — идея Атреса. — Он даст нам время, чтобы опуститься сквозь Грандвейв и пройти до нужных координат погружения под ним. Мы войдем в плотный участок, пробиться сквозь который способны только специально оборудованные дирижабли, и под его прикрытием

пролетим до безопасного участка под пеленой.

— Все решат, что мы пошли искать сокровища, и побегут за нами, надеясь урвать свою долю, — предположила Эрика, задумчиво свивая в воздухе нитку серого дыма. — Они полетят вниз, мы полетим вперед, и все будут счастливы?

— Нам придется отключить основные спирит-двигатели, потому что их легко отследить на радаре, но дополнительных схем и гелия в баллонетах должно быть достаточно, чтобы удерживать высоту, — добавил Дейн с широкой улыбкой, вопреки серьезности ситуации снова напоминая Кейн золотого ретривера.

— Хороший план, — похвалила она искренне, хотя понимала, что в нем хватало лазеек.

— Эта тактика уже несколько раз позволяла нам избегать конфликтов, — ответил он. — Капитан действительно знает, что делает. Вам не о чем беспокоиться.

— Обычно после этих слов все идет не так, — сказала Эрика, и дирижабль трянуло. Стены разлетелись осколками наружу с оглушительным треском, и Кейн неосознанно вцепилась в стол, прежде чем поняла, что все в порядке.

Осколки застыли в воздухе, зависли, словно кто-то вмуровал их в невидимую смолу, и Эрика подмигнула:

— Просто шучу. Мы же не в книге.

Взрыв был миражом. А вот желание Кейн побить Эрику головой об стол — вполне настоящим:

— Знаете, о чем я думаю в такие моменты? — спросила она.

— О том, что я способна создавать невероятные образы, мастресса Анна? Наверняка об этом.

— Я думаю, что вы солгали Дейну. Мы с вами все-таки вцепимся друг другу в волосы. Сейчас я очень хочу это сделать.

— Это... ненастоящее? — осторожно уточнил Дейн. Он был бледен, и костяшки его сцепленных в замок пальцев побелели от напряжения. В остальном он превосходно держался — для кого-то, на чьих глазах стены только что разлетелись на куски.

— Это самая настоящая видимость, — как ни в чем ни бывало ответила Эрика и убрала мираж с милой улыбкой. — Извините. Я просто очень люблю пошутить.

По мнению Кейн, это было самое абсурдное и убогое объяснение из всех, что она слышала в жизни, но Дейну хватило воспитания, чтобы заставить себя улыбнуться в ответ. Улыбка получилось вымученной:

— Это была очень убедительная шутка, госпожа Эрика.